

Н. Н. Зоркова

Юлия и книжный герой

Посвящается моей племяннице

1.

Я никак не ожидала увидеть его так скоро и так близко. На нем был его обычный черный костюм и черное пальто. С высоты своего огромного роста он смотрел на меня сверху вниз, изучающее. Стоило ему только поднять пистолет, нажать курок и меня бы не стало. Но оружия в его руках не было. Он просто стоял и смотрел, слегка нахмурившись. Только сейчас я почувствовала опасность, поняла, наконец, что мне грозит. Мне захотелось уйти, точнее сбежать. Отступив на шаг, я попятилась и тут из-под моих ног с гулким эхом выкатилась жестяная банка. Я сильно вздрогнула, а он не пошевелил и пальцем.

Вокруг нас царил полумрак и только его фигура была освещена длинным прямоугольником света, проникавшим через чердачное окно.

– Кто ты такая и что ты тут делаешь?

– Играю.

Он сделал пару шагов в мою сторону.

– И в какую игру?

Я промолчала. У меня за спиной от стены до стены протянулась решетка, разделявшая чердак на две половины. Он сделал пару шагов к решетке, за которой находились два деревянных ящика, которые заменияли стол и стул. На том ящике, что был повыше, стояли керосиновая лампа, термос, кружка и большой военный бинокль, рядом лежала тетрадь и пара ручек.

Он протиснулся к небольшому окошку, располагавшемуся под самым сводом крыши. Отсюда его дом был как на ладони. Место для слежки было выбрано великолепно.

Он хмыкнул и поднял тетрадку. Я с испугом наблюдала, как он перелистывает ее страницы. Его брови сомкнулись, хотя мне показалось, что

он еле заметно улыбнулся. Я густо покраснела. Он сунул тетрадку в карман пальто.

– Садись, – сказал он и пододвинул ногой ящик.

Я повиновалась без промедления. Сам он присел на «стол» и благодаря своему росту снова смотрел на меня сверху вниз.

– Рассказывай, – приказал он.

Я вдруг поняла, что если расскажу ему правду, то он все равно мне не поверит и убьет. Но мне нечего было рассказывать кроме правды. Поэтому я молчала, опустив глаза. Он ждал, нервно постукивая ботинком по ящику.

– Скажи хотя бы как тебя зовут.

– Юлия, – пробормотала я.

Краем глаза я заметила, что он внимательно смотрит на меня.

– Зачем ты за мной следила?

Какая глупая история! До последнего момента я не могла поверить в то, что все открылось и придется рассказать обо всем. Я в первый раз увидела этого странного человека на вокзале N-тона и решила проследить за ним. Вечером наблюдала как он, совершенно один, возвращался в нежилой квартал. В течение целой недели я после школы бежала на этот чердак и часами ждала, когда он появится, записывая в тетрадь все, что видела. Мне необходимо было записывать свои мысли, так как иначе они бы разорвали меня изнутри как пар в котле.

– Не знаю. Я же не знала, что вы... – тут я запнулась.

– Что я...?

– Ну, что вы – киллер.

– Та-а-к... – протянул он.

Он постучал ногой по полу. Я же не смела поднять глаз и потому созерцала его сверкающие ботинки. «Вот все и закончилось», – подумала я. – «Он не поверит ни единому моему слову и убьет. Какая же ты дурочка, Юлия, и как это все глупо!».

Но он, по-видимому, не собирался никого убивать, по крайней мере, сейчас. Он аккуратно снял с ящика стоявшие на нем предметы и устроился поудобнее.

– Как же ты догадалась? – спросил он.

– У меня нет конкретных доказательств, – испуганно пролепетала я.

– И все же... Как ты пришла к такому выводу?

– Я случайно увидела вас на вокзале. Вы тогда сразу показались мне странным – ваша темная, строгая одежда, молчаливость, нелюдимость. Вы старались обходить людей стороной, и у вас при себе был только полупустой рюкзак. Вы точно были не из нашего городка, ведь у нас тут все друг друга знают, а вас я никогда раньше не видела. Иногда в N-тоне бывает наплыв туристов, но это летом, а сейчас еще не время...

– А что ты делала на вокзале?

– Рисовала. Я туда иногда прихожу, чтобы рисовать людей. Они сидят и стоят в разных позах и можно почти незаметно делать наброски с натуры. Это для практики рисования очень хорошо. Я еще в парках рисую. Там тоже много людей. Это не так увлекательно, как рисование по воображению, но папа говорит, что нужно обязательно практиковаться на «натуре».

– Твой отец художник?

– Да.

– Интересно. Сколько тебе лет?

– Шестнадцать.

– Ладно. Что было дальше?

Я посмотрела на него, стараясь определить, есть ли у него с собой пистолет, но ничего не заметила. Это меня немного успокоило, и я продолжала:

– В первую очередь мне хотелось вас поближе рассмотреть. Вообще то я больше люблю смотреть на художественные портреты и картины, на реальных людей меньше, потому что они довольно скучные, но в вас было что-то необычное... Еще мне показалось странным, что вы не стали брать такси и пошли пешком. Я последовала за вами. Примерно через час вы

пришли в северный район и это тоже было очень странно, ведь отсюда уже год как всех выселили. Здесь собираются строить скоростное шоссе.

Вы вошли на крыльце одного из пустых домов, открыли дверь (откуда у вас был ключ?) и исчезли за ней. Я еще долго стояла и смотрела на окна дома, за дверями которого вы скрылись, но они по-прежнему оставались совершенно темными. Вокруг было тихо и безлюдно. Было такое ощущение, что вы мне просто привиделись и на самом деле никогда не приезжали в наш городок. Но на следующий день вы промчались быстрым шагом вдоль ограды нашей школы. Я хотела броситься вслед, но мне нужно было спешить на занятия...

– Благоразумное решение, – сказал он холодно. – А тебе не приходила в голову мысль, что следить за незнакомым человеком может быть опасным приключением?

Я низко опустила голову.

– Приходила, но быстро ушла. Это же приключение...

– Валяй дальше.

– На следующий день после школы я сразу побежала в северный район и без труда отыскала ваш дом. Я решила найти себе укрытие, откуда можно было бы следить за вами...

Тут он снова прервал меня:

– Не страшно было?

Я отрицательно покачала головой.

– Тогда было не страшно... Я решила обследовать высокий дом напротив и нашла этот уютный чердак. Здесь были эти ящики и даже лампа. Правда, керосина в ней нет.

– Тогда зачем она тебе? – усмехнулся он.

– Ну, не знаю. Она старая, красивая и чердак мне очень понравился, даже несмотря на то, что здесь холодно. Здесь можно скрыться от дождя и обзор хороший. В тот день я проторчала тут до позднего вечера, но вы так и не появились.

– А потом, когда стемнело, ты решила пойти домой, и мы встретились на улице, – сказал он.

– Ой, вы меня запомнили?

– Еще бы мне не запомнить! Я специально выбрал самое безлюдное место для спокойного житья, а тут вдруг на меня из темноты выскакивает бешеный подросток!

– Я не бешеная! И уже давно не подросток!

– Ага! Видела бы ты свои глаза в тот момент. Отскочила от меня как ужаленная и унеслась прочь. Я подумал, что ты наркоманка. В таких местах должны шландать подобные индивидуумы.

Я обиделась.

– Я не наркоманка.

– Ну, хорошо. Итак, история продолжается...

Я шмыгнула носом и стала рассказывать дальше.

– Однажды я пришла сюда после школы, но уже попозже, чтобы застать вас. И тут в ваших окнах загорелся неяркий свет, как будто от свечей. А у меня к тому времени уже был при себе бинокль. Я стала всматриваться, но, к сожалению, мой наблюдательный пункт находился слишком высоко, а вы не подходили близко к окну, поэтому я не могла ничего толком увидеть. Только изредка по стенам и полу комнаты скользил черный силуэт. И тут я вдруг ясно увидела тень от вашей вытянутой руки, в которой был пистолет! А потом я услышала выстрел... А потом еще один и еще, и еще! Вы палили из пистолета, как будто пытались известить тараканов или мышей таким необычным способом. Спустя минут десять вы прекратили стрелять. Все опять погрузилось в тишину и мрак. Я еще посидела немного и стала осторожно спускаться вниз, вышла на улицу и побежала домой. А дома я всю ночь не могла заснуть: у меня перед глазами стояла ваша тень с пистолетом в руке, и было страшно, но до жути любопытно.

Я решила выяснить, где вы пропадаете и что делаете, пока я скучаю в школе. На следующий день (а это была суббота) у нас не было занятий, я встала рано и была уже на своем посту, когда в районе восьми часов вы

вышли из дома. Я пошла за вами. Так как я впервые вела слежку, то мне постоянно казалось, что вы вот-вот услышите мои шаги, обернетесь и тогда все рухнет. Особенно трудно было в безлюдном квартале – мне приходилось идти очень тихо, постоянно прятаться в подъездах или за деревьями, чтобы вы меня не заметили. А вот в центре города было уже полегче, там можно было притвориться покупательницей у ларька, рассматривать витрины, или просто стоять на остановке и делать вид, что ждешь автобуса. Впрочем, вы ходите быстро и не глязете по сторонам. У меня сложилось впечатление, что вы в нашем городке не первый раз.

Пока я делала вид, что рассматриваю комиксы в книжной лавке, вы быстро позавтракали в кафе и отправились дальше. Дойдя до Рыбной площади, вы свернули в одну из маленьких, пешеходных улочек и я чуть было не потеряла вас из виду. Я успела лишь заметить, как за вами закрылась дверь в доме, окруженному палисадником с сиреневыми кустами. Я посчитала, что если буду ходить рядом с домом, то непременно выдам себя и поэтому я пошла бесцельно бродить по городу.

У меня были одни только загадки и ни одного ответа. Кто вы такой? Зачем приехали в наш город? Почему живете в заброшенном квартале и стреляете по ночам из пистолета? Обуреваемая этими вопросами, я присела в парке на скамейку и стала записывать свои мысли в тетрадь. В парке всегда довольно шумно, но в тот момент удивительным образом парк будто вымер. Через пару минут я заметила боковым зрением, что кто-то присел на соседнюю скамейку, и чуть не подпрыгнула от испуга, когда увидела, что это были вы! У вас в руках был небольшой сверток, который вы не выпускали из рук даже когда зазвонил ваш мобильный телефон. Я сделала вид, что усердно пишу что-то в тетрадке, а сама навострила уши.

Вы уверяли звонившего, что все будет в порядке, но, возможно, вам понадобятся еще деньги. Вы обещались выполнить заказ в срок. Посидев пару минут, вы поднялись и ушли, даже не взглянув на меня. Я, конечно, не последовала за вами, потому что просто не могла сдвинуться с места, ошарашенная своими догадками. Самые страшные мысли нашли новое

подтверждение! Пистолет, заказ, деньги, тайное убежище... Все у меня в голове перемешалось. Но почему-то мысль о том, что вы – убийца, опасный человек, не останавливалася меня, и я решила продолжать следить за вами. Мало того, опасность подогревала мой интерес еще сильнее. Я ждала, что скоро в нашем городке произойдет убийство. И оно произошло!

Тут наши взгляды встретились, но я напрасно хотела увидеть его смущение. Вместо этого он пристально смотрел на меня, будто пытаясь почувствовать мой страх.

– Вчера вечером депутата Томсона, который приехал в N-тон по делам города, нашли мертвым в номере гостиницы. Его застрелили из пистолета, – выдохнула я.

Не сводя с меня немигающего взгляда, он спросил:

– И тебе его жалко?

– Убийство – это всегда ужасно...

– А если он был плохим человеком?

– Вы его знали?

Молчание.

– А вдруг он был хорошим человеком? Да, мне его жалко.

Он кивнул.

– Почему ты не пошла в полицию?

– Но ведь у меня не было никаких доказательств, – пожала я плечами. –

И к тому же я не была до конца уверена в том, что вы убийца.

– Значит, ты сомневаешься? – усмехнулся он. – Почему же?

– Вы не похожи на убийцу... – пробормотала я. – У вас глаза добрые.

Вдруг он засмеялся, так легко и заразительно, как обычный человек, но потом резко замолк.

– Значит я, по-твоему, добрый? – спросил он.

– Да.

– Ты думаешь, что хорошо разбираешься в людях?

Я поморщилась.

– Нет.

– Правильный ответ! Ты еще слишком мелкая для этого. Свалилась, черт побери, на мою голову!

Тут его рука нырнула во внутренний карман пальто. У меня сердце ушло в пятки, я подумала, что сейчас он вытащит пистолет и... Но его руки были пусты, он нервно пошарил по карманам, похлопал по ним и выругался:

– Вот, черт!

Я осмелилась спросить:

– Вы, наверное, сигареты ищете?

– Да! У тебя есть?

– Нет...

– А что тогда спрашиваешь? – воскликнул он раздраженно.

Я вжала голову в плечи.

– Ладно, – проговорил он спокойнее. – Я вообще-то бросаю... Но сейчас сигарета мне бы не помешала. Рассказывай давай, что там у тебя еще.

У меня подкатил ком к горлу, и я сделала над собой усилие, чтобы не разрыдаться.

– Да нечего больше рассказывать. Остальное – мои фантазии.

– Хочу послушать!

– Мне особенно запомнился один день, точнее это был вечер, вечер воскресенья. Это был обычный вечер, но погода была отличная, мирная: ясное безоблачное небо, заходящее за горизонт солнце, птицы пели по-весеннему, легкий ветерок колыхал траву на поле за городом у руин старинного замка. Вы были там. И я тоже, потому что как тень везде следовала за вами. Мне почему-то думалось, что если я буду рядом с вами, то, возможно, вы больше не совершиете ничего плохого и никого не убьете...

– Что за бред? – фыркнул он.

– Я рассказываю свои впечатления. Вы же сами просили!

– Окей!

– Так вот... Я, наверное, хотела вас спасти от самого себя. А еще у меня тогда было такое странное состояние... Трудно подобрать слова, чтобы его описать. Знаете, бывают такие моменты, когда жизнь останавливается и

получается «фотоснимок» сознания, который входит в память навсегда. И вот тогда было также. Я лежу в высокой траве и мне в глаза бьет луч закатного солнца; еще тепло и вокруг пахнет прелой землей и травой. Небо высокое, синее. Руины замка освещены солнцем и около большого камня, вдалеке, стоите вы. В вашей руке пистолет, и вы прицеливаетесь и стреляете в стену, от которой со свистом отлетают мелкие камешки. И все это запечатлевается у меня перед глазами: зеленая трава, синее небо, серые камни, и вы в белоснежной рубашке с пистолетом в руке, как на дуэли.

Вы стреляете долго, потом бросаете и смотрите на закат, срываете травинки, мните их в руках и выглядите обычным человеком. Мне так хотелось узнать, о чем вы думали в тот момент, что за мысли были в вашей голове. Возможно, вы жалели о том, что сделали или старались вообще об этом не думать. И еще я подумала, что если бы не это, то мы могли бы подружиться.

– Мм-д-а-а… – протянул он. – Ты странная.

Он был совершенно спокоен. Его лицо выражало лишь заботу о том, как решить неожиданно возникшую неприятную проблему, которой была я. Тут он вытащил мою тетрадь из кармана и углубился в чтение.

Пока он читал, я стала припоминать, как пришла сегодня сюда после школы, устроилась как обычно и стала смотреть на улицу, где совершенно никого не было. У меня тогда появилось ощущение, что я нахожусь в мертвом городе. Вечер выдался тихим, ясным. Вдалеке, на горизонте, виднелись очертания старинного замка. Там, в поле, тоже было тихо, но в отличие от заброшенного квартала, там была жизнь. И вдруг какое-то трудно описываемое чувство сладкой тоски, какого-то далекого детского воспоминания, радости от того, что я просто есть, что я просто живу, охватило меня целиком! Мне стало ясно, что это приключение – всего лишь приключение, и, наверное, совершенно безобидное. Я подумала, что убийца ничего обо мне не знает и скоро уедет, сделав свою «работу», а я просто останусь здесь с этим вечным «фотоснимком» перед глазами и воспоминанием о чем-то неимоверно прекрасном и странном. Но потом я

услышала шорох... Убийца стоял передо мной всего в нескольких шагах. И тут вдруг все улетучилось, реальность упала как тяжелое покрывало.

Он захлопнул тетрадь и вздохнул.

– Бедная, наивная Алиса. Ты даже не подозреваешь в какую дыру ты угодила.

Я встала и подошла к окошку.

– Вы убьете меня, да?

Вместо ответа он вдруг стал вслух читать из моей тетради:

– «Сегодня вечером, в поле, я испытала счастье и умиротворение. И мне почему-то не страшно от того, что он – убийца. Я даже готова его простить».

Я, не оборачиваясь, продолжала смотреть в окно. За парапетом было слышно воркование притаившихся там голубей.

– Ты готова была простить хладнокровного убийцу? – спросил он.

– Да.

– Но почему?

– Не знаю. Может быть, если бы на вашем месте был кто-то другой...

– Какая разница?!

– Для меня есть разница.

– Это все глупости, – отчеканил он, вставая и отряхивая пальто. – Ну, и что мне с тобой теперь делать? Может, ты на кого-то работаешь? Иди-ка сюда!

Он схватил меня и поставил перед собой. Его пальцы впились мне в плечи так, что я вскрикнула от боли.

– Ну, говори, кто подослал тебя следить за мной? Говори!

Он встряхнул меня так сильно, что закружилась голова.

– Я рассказала вам правду! Меня никто не подсыпал!

Он отпустил.

– Тем хуже для тебя.

– Почему? – всхлипнула я, потирая сдавленные плечи.

– Потому что если бы ты назвала имя, то я бы просто убил заказчика, а тебя, может быть, и не стал бы трогать. Ладно, пойдем!

Меня начала трясти мелкая дрожь, во рту пересохло. Я вдруг со всей силой осознания, как ранее ощутила счастье жизни, точно также почувствовала глубину и ужас смерти.

Он взял меня за руку, и я без сопротивления последовала за ним. А что я могла сделать? Слова теперь ничего не решали. Я впала в пристрацию и послушно плелась за ним, пока мы спускались вниз по лестнице. Улица была безлюдна и на мои крики о помощи все равно бы никто не отозвался. Но тут в просвете домов я увидела освещенный солнцем зеленый кусочек поля и жажда жизни с новой силой ожила во мне. Дернув свою руку, я вывернулась и закричала:

– Отпустите меня!

Но он схватил меня в охапку и в два прыжка оказался на крыльце своего дома. Пока он возился с дверью, я пыталась вырваться, но он крепко держал меня. Он был выше и сильнее, я бы никак не могла с ним справиться. Он втолкнул меня в дом и захлопнул дверь.

В прихожей было темно. Я практически не различала силуэт убийцы, но слышала, как щелкнул замок входной двери. Не помня себя от страха, я юркнула в гостиную и плотно закрыла дверь, как будто она могла меня спасти. В комнату, через плотно задернутые шторы проникал тусклый свет, который освещал маленький диван и пустые книжные полки. Больше здесь ничего не было. Я в ужасе уставилась на дверь, которая стала медленно открываться. Убийца вошел. Он скинул с себя пальто и пиджак, и теперь лишь его рубашка белела в потемках. Через минуту мои глаза привыкли к темноте, и я увидела в его руке пистолет. Он навел его на меня.

Я закрыла лицо руками, так как не хотела ничего видеть и чувствовать. В этот момент я вспомнила про своего отца и заплакала. Даже не столько от того, что больше никогда его не увижу, а от того, что своей смертью причиняю ему немыслимые страдания. В этот момент я не хотела умирать не ради себя, а только ради него. Я любила его больше всех на свете!

Тем временем убийца взвел курок и раздался выстрел...

2.

Я медленно открыла глаза. Убийца сказал:

– Вот и все! Finita la commedia!

Он бросил пистолет на диван, подошел к окнам и распахнул шторы. Комната наполнилась яркими вечерними отсветами. Пылинки вертелись в освещенном воздухе, и я смотрела на них, как завороженная. Все произошедшее было настолько странным и шокирующим, что я никак не могла прийти в себя. В голове образовалась полная тишина, полный вакуум.

– Эй, ты в порядке?

Он нагнулся ко мне, но я испуганно отшатнулась.

– Кажется, я немного перестарался, – пробормотал он и сел на диван.

На диване лежал пистолет и я, не моргая, смотрела на него.

– Так, – сказал он, поднимая пистолет. – Я сейчас уберу его. Вот так.

Он вышел из комнаты и вернулся уже без пистолета.

– Ты меня пугаешь. Скажи же что-нибудь!

Но я просто не могла вымолвить ни слова, молча переводя взгляд с убийцы на дверь.

– Да, ты можешь идти.

И тут мысли хлынули в мою голову бурным потоком. Разом отпустило, мои коленки подкосились, и я рухнула на пол. Он подхватил меня и усадил на диван.

– Что происходит?

Он пожал плечами.

– Извини. Ну, я просто подыграл тебе. Но лишь для того, чтобы напугать, чтобы ты зарубила этот урок себе на носу и больше никогда не попадала в такие ситуации. Ты, похоже, большая выдумщица, выдумала целую историю, опасную историю, и сама в нее поверила. Но что было бы, если бы все это оказалось правдой? Ты готова была поверить и простить убийцу! Совсем с ума сошла?! Запомни – в мире очень много плохих людей, которые могут причинить боль. Конечно, выдумывать истории не плохо,

можешь их даже записывать, но не надо мешать свои выдумки с реальностью. Это ни к чему хорошему не приводит.

– Так вы не убийца?

– Нет!

Мысли в голове опять затормозились.

– И вы это со мной нарочно разыграли?

– Да. Чтобы ты запомнила это как урок.

– Какой урок?

– Боже! – вздохнул он. – Я же говорил. Одним словом, беги домой.

Выбежав из комнаты в прихожую, я стала открывать входную дверь, но замок не поддавался.

– Подожди, тут открывается ключом. Вот так, – он распахнул дверь.

Мое разгоряченное лицо сразу обдало волной прохладного воздуха. Остановившись на ступеньках, я обернулась к нему.

– Я знала, что вы не убийца! Но если вы не убийца, то кто вы?

Он всплеснул руками:

– Какая разница? Тебе разве уже не страшно?

Я помялась и отрицательно покачала головой.

– Вся моя комедия насмарку, значит? – воскликнул он. – Ты должна была жутко испугаться и убежать домой со всех ног!

– Теперь я хочу узнать, кто вы такой на самом деле.

Он посмотрел на меня серьезно.

– Ладно. Хочешь чаю?

Несостоявшийся убийца прошел на кухню, и я последовала за ним. В кухне было чисто и светло, из мебели – только мойка, холодильник, стол и пара табуреток. Окно выходило на западную сторону, и вся кухня озарялась лучами закатного солнца.

– К сожалению, могу предложить к чаю только бутерброды с сыром, – сказал он, наливая в чашки заварку.

– Спасибо!

Такой переход от опасности, страха и пистолетов к простой обыденной ситуации с чаепитием никак не укладывался в голове, но я начала постепенно приходить в себя. Тем более что до самого конца я в глубине души знала, что он не может причинить мне вреда. И вот мой «убийца» вовсе и не убийца! Но кто же он? Любопытство было сильнее страха.

– А как вас зовут?

– Артур Найджел Уэллс. Можно просто Артур, – ответил он, протягивая хлеб и сыр. – Нарежь, пожалуйста.

Я стала аккуратно нарезать хлеб, то и дело посматривая на него. На первый взгляд Артур был примерно того же возраста, что мой кузен Майкл, который в прошлом году закончил университет. Майкл был небольшого роста, рыжеволосый веселый парень. Мы с ним очень хорошо ладили. Когда он приезжал в гости, мы играли в теннис, бегали по N-тону, ходили в кино.

Артур был совсем другой. Высокий, темноволосый и не такой веселый, скорее – наоборот. К Майклу я относилась как к равному, а Артур вызывал другое чувство, похожее на то, что связывало меня с мистером Пайпсом, школьным учителем по английской литературе. С учителем было интересней общаться, потому что он был умнее моих сверстников, интересы которых ограничивались спортом, гаджетами и собой. С мистером Пайпсом у нас было много общего – литература, искусство, книги. Артур оставался для меня загадкой, но мне хотелось, чтобы у нас тоже нашлись общие интересы, хотя я все еще побаивалась его, так как совершенно ничего о нем не знала.

– Я ничего о тебе не знаю, – сказала я, складывая бутерброды на тарелку.

– Вот именно! – воскликнул Артур, поднимая указательный палец. – С этого и надо было начинать. Нельзя быть такой доверчивой и витать в облаках. Нельзя слепо доверять людям и выдумывать про них всякие небылицы.

– Почему?

– Потому что не все люди добрые и хорошие.

– А ты добрый?

- Не знаю. Скорее, да.
- Что значит «скорее, да»?
- Ты задаешь слишком много вопросов, Алиса.

Я удивилась и украдкой улыбнулась. Почему он называет меня Алисой? Наверное, ему тоже нравится сказка Льюиса Кэрролла. Что же, пусть зовет меня Алисой, я в общем то была совсем не против.

Мы стали пить чай. На белых чашках сверкали розовые отсветы последних солнечных лучей.

- Некоторые вещи трудно объяснить, – сказал он задумчиво.

Несколько минут мы сидели молча. Я не знала, что говорить, однако молчание затягивалось и я ляпнула первое, что пришло в голову:

- А сколько тебе лет?
- Двадцать шесть.
- О! Ты старше моего кузена Майкла.
- Вы с ним дружите?
- Да. Потому что в школе у меня друзей нет. Только Мэри. Она, конечно, хорошая, но у нее в последнее время одни мальчишки на уме, поэтому мы немного расходимся во взглядах.

– Во взглядах на что?

- Ну, например, на то, чем заниматься в выходные. Я люблю порисовать или почитать, или поиграть в мяч или в теннис. А она зовет меня на Рыбную площадь. Туда приходят ребята из школы. Они там общаются, болтают, а мне там скучно. Из-за этого у меня и проблемы...

– С чем?

- В основном «с кем». С одноклассниками, с некоторыми учителями. Они говорят, что у меня, наверное, замедленное развитие, плохая социализация. Даже на аутизм проверяли.

– И что?

- Нормальная я. Просто не такая как все.

Слушая меня, Артур вертел чайную ложку в пальцах, которая вдруг со звоном упала на пол. Мы полезли под стол доставать ее.

– Это хорошо, – сказал Артур, нашупав ложку.

– Что «хорошо»?

– Что ты не такая как все.

– Ты говоришь, как мой папа.

– У тебя отличный папа.

– Да! – согласилась я. – Он – художник, работает дизайнером. Делает всякие рекламные щиты, этикетки. Говорит, что это ему не очень нравится, но нужно на что-то жить. А маму я почти не помню. Она болела и умерла, когда мне было пять лет. Папа мне про нее не рассказывает, но я знаю, что она тоже была художником. В свободное время он всегда рисует и меня учит рисовать. Но он говорит, что мне нельзя становиться художником. Это очень тяжелая работа, которая мне не принесет заработка. А чтобы стать богатым художником надо попасть в бренд.

Артур улыбнулся.

– Значит, ты мечтатель? – спросил он.

– А откуда ты знаешь? – опешила я.

– Я только предположил.

– За это меня постоянно ругают учителя в школе, – хмыкнула я. – Я, видите ли, не собрана, часто отвлекаюсь, думаю не о том. Читаю книжки на уроках.

– Любишь книги?

– Обожаю!

– Тогда, я думаю, мы подружимся.

Я почему-то смутилась, и чтобы не показать этого, пробурчала:

– Если не будешь больше меня пугать.

Артур снова улыбнулся, на этот раз как-то загадочно.

– Не могу этого обещать, но ничего плохого я тебе не сделаю.

– Это успокаивает! – всплеснула я руками и уперлась ими в бока. – Кто ты такой на самом деле?

Артур устремил взгляд в окно, где затухали последние лучи солнца.

— Я... — начал он, но потом остановился и долго смотрел вдаль, как будто совсем забыл про мое существование. — Книги — моя жизнь, — продолжил он. — Это моя работа и моя жизнь.

Я стала вспоминать профессии, связанные с книгами.

— Ты писатель? Издатель? Иллюстратор?

— Можно сказать, что я читатель и путешественник.

— Путешественник?

— Это долгая история. А вообще, я охотник, — тут Артур прищурил глаза. — Охотник за книгами!

Я была в восторге.

— Круто! Значит, ты приехал в наш город охотиться за книгами?

— Ага! И пару интересных книг я уже выследил. Они прячутся в библиотеке одного старинного дома. Кроме того, в N-тоне появился хороший букинистический магазинчик. Раньше его не было.

— Я так и знала! Ты здесь не первый раз, да?

— Я здесь родился и жил какое-то время, но потом родителям пришлось переехать в Лондон, но в N-тоне прошло мое детство, я люблю этот городок. Жаль, что хотят сломать северный квартал и вместе с ним наш дом тоже. За него обещали хорошую компенсацию, но ведь главное, — воспоминания, — мне никто не возместит. А здесь вокруг все мне знакомо: каждый двор, скамейка, сквер. И на чердаке того высокого дома, который ты облюбовала, мы с друзьями тоже любили играть. Только тогда дом был живой, шумный. Была там одна женщина, домоправительница, которая постоянно гоняла нас с этого чердака, но мы все равно умудрялись туда пробираться.

— А что вы там делали?

— Да, то же, что и все дети. Играли в прятки. Придумывали всякие игры, что называется на злобу дня, например, играли в «Звездные войны». Кстати, чердак и был «Тысячелетним соколом». Эх, было так весело! Короче, этот чердак для меня не просто чердак.

— И тут вдруг я, — улыбнулась я.

– И тут вдруг ты с какой-то страшной историей про киллера. Для меня стало совершенной неожиданностью стать героем такой истории. Пока ты рассказывала, я еле сдерживался от смеха.

– Ты отлично справился с ролью. Я испугалась не на шутку.

– Это хорошо. Потому что, как я уже говорил, вокруг много плохих людей. И, конечно, убийца не может быть добрым. Это киношный вымысел.

Пока я допивала чай, Артур накинул пальто.

– Может, прогуляемся? – предложил он.

Я радостно вскочила с табурета и через минуту мы уже шагали вместе по пустым улицам северного квартала.

– А куда мы идем? – спросила я Артура, стараясь поспевать за его широкими шагами.

– В одно место, наверняка тоже уже заброшенное.

Во дворах пустых домов начала сгущаться темнота. Узкая уличка, по которой мы шли, вдруг вынырнула на бульвар и впереди, на синем небе, блеснул в закатных лучах золотой крест церкви.

Артур направился прямиком к ней. Подойдя, мы оба прильнули к ограде. Это была не старая, но построенная в подражании стадинному готическому стилю, церквушка. Кое-где, на крыше даже «восседали» небольшие каменные горгульи. Вокруг церкви разрослись сиреневые кусты, которые благоухали, наполняя вечерний воздух сладким ароматом. Ворота ограды были заперты, от них к церкви вела узкая, выложенная плиткой дорожка. Вдруг Артур вскочил на приступку ограды и одним махом перемахнул через нее.

Я тут же следом вскарабкалась на парапет и по выступам кованых узоров взобралась на верх ограды. От земли было почти три метра.

– Прыгай! – услышала я голос Артура.

Он меня поймал и осторожно поставил на землю. Вынырнув из-под ветвей на открытое пространство, мы подошли к главному входу и подергали за ручку. Дверь была заперта. Артур вдруг юркнул куда-то в темноту, а я подняла голову вверх и стала смотреть на шпиль церкви, которая с этого

ракурса казалась довольно высокой. Вечер переходил в ночь, становилось прохладно.

«Сегодня будут звезды...», – подумала я, глядя на чистое темно-синее небо.

– Алиса, иди сюда! – раздался голос Артура.

Я подбежала к нему. Оказалось, он нашел черный ход и взломав замок, открыл дверь. Мы вошли в помещение, но внутри было так темно, что не видно было даже собственных рук.

– Постой-ка, – сказал Артур. – Сейчас найдем выход.

И, действительно, нашупав в темноте еще одну дверь, он распахнул ее, и в маленькую клетушку, где мы стояли, хлынул серый мглистый свет, проникавший из узких окон ризницы. Ризница представляла собой вытянутую комнату с высоким потолком, где по обеим стенам стояли шкафы для священнических одеяний и церковной утвари. Я осторожно прошла в ризницу и открыла пару шкафов, но они все были пусты. Артур сказал:

– Конечно, все книги забрали.

На столе, который стоял посреди комнаты, скопился толстый слой пыли. Артур подошел и нарисовал на нем большой знак вопроса, а я приложила свою пятую пятерню.

Главная зала церкви, за счет высоких стен и готических арок, казалась больше и просторней, чем выглядела снаружи. Над мраморным алтарем висела двухметровая фигура распятого Христа, и не смотря на размеры церкви, ей здесь было явно тесновато. Распятие располагалось прямо под большим сводом и создавалось впечатление, что Христос, низко опустив голову, держит его на своих плечах.

– Странно, почему распятие не увезли, – задумчиво произнес Артур.

– Увезут, – сказала я. – Говорили, что эту церковь скоро разберут по кирпичику и восстановят на новом месте.

Артур стоял, глядя на распятие, а я почувствовала стеснение и робость, которые испытывала, например, в гостях у дальних, малознакомых родственников. Меня часто мучило чувство, что я не отвечаю ожиданиям

других людей, что живу и мыслю *не так как нужно*. И сейчас, в церкви, это чувство многократно усилилось. Мне захотелось спрятаться, и я бесшумно зашла за деревянную исповедальню и там притаилась.

Немного погодя раздался шорох. Наверное, Артур закончил созерцать распятие, а потом, усиленные эхом, послышались его шаги.

– Алиса, ты где?

Я еле сдерживалась, чтобы не засмеяться. Артур смешно бормотал себе под нос: «Куда подевалась? Испарилась! Играет в прятки. Ну, хорошо, поищем. Так-так. Здесь нет. Может, спряталась под лавку...». Его голос удалялся.

И тут неожиданно в церкви воцарилась полная тишина, с пустынной улицы не долетало ни единого звука. Сышен был лишь стук моего сердца. Я напрягала слух, но ни шагов Артура, ни его голоса не было слышно. Он просто исчез. Где же он?! Я хотела уже выйти из своего укрытия, но внезапно ощутила, что в церкви я была не одна, что *кто-то* еще был в здании, хотя ни звук, ни тень на полу его не выдавали. Но что если этот *кто-то* совсем не Артур? Тут меня захлестнул и сковал необъяснимый, сильный страх. Я вжалась в проем между стеной и исповедальней и не отводила глаз от сгущающейся между ними темноты. Неожиданно что-то громко хлопнуло и зашелестело и в проеме появился силуэт существа с раскинутыми в стороны крыльями, как у летучей мыши.

Я вскрикнула от ужаса. В тот же момент существо превратилось в Артура, который сложился вдвое от смеха.

– Ты меня напугал! – воскликнула я. – Ты же обещал меня больше не пугать!

– Ха-ха-ха! Нет, этого я не обещал.

– Это нечестно!

– Да ладно тебе!

– Как у тебя это получилось?

– Смотри!

Артур раскинул в стороны полы своего пальто и в темноте, действительно, стал похож на летучую мышь.

– Забавно, да?

– Очень.

Я забралась в кабинку исповедальни, а Артур сел в соседнюю, на место священника. Нас разделяла деревянная решетка, но и без этого мы практически не видели друг друга. Слабый свет, проникая сквозь окна, уже почти не освещал, а лишь обозначал предметы, тонувшие в сумраке. Тени принимали необычные формы и мне показалось, что на скамье в зале *кто-то* сидел. Меня опять начал обуревать страх, и чтобы отвлечься, я спросила:

– Интересно, кто же убил депутата Томсона?

– Понятия не имею, – отозвался Артур. – Но уверяю тебя, что это был не я. Может, в вашем городе действуют «красные бригады»? Или наоборот фашисты. А может, он кому-нибудь задолжал много денег. Это же политика. Мало ли что.

– Наверное, – проговорила я, разглядывая призрачную тень на скамье. В сгущающейся тьме я уже не надеялась на свое зрение, звуки вышли на первый план. Мне слышались какие-то шорохи, постукивания, возня. Мне было так страшно, что я готова была забраться в кабинку к Артуру, но не решалась этого сделать.

– Всегда хотел побывать в церкви, когда в ней нет людей и священников, – раздался его голос.

– Ты так сказал, как будто священники – не люди, – заметила я серьезным тоном.

Артур опять расхохотался. Его смех эхом отдавался в арках церкви.

– Тебе здесь нравится? – спросил он.

– Ну-у, мне тоже, нравится, что здесь никого нет кроме нас. Но все-таки как-то неуютно.

– Каждая церковь рождает разные чувства у разных людей. Я люблю заходить в церкви и прислушиваться к своим внутренним ощущениям. В

разных церквях – разные ощущения. Где-то тревожно, где-то скучно, а иногда бывает очень хорошо. Попробуй как-нибудь.

– Ты там не молишься?

– Я прихожу, когда нет службы. Молюсь ли я? Не знаю. Но я точно не повторяю никаких условленных слов.

– А что рождает в тебе эта церковь?

Артур немного помолчал, а потом сказал:

– Воспоминания. Протест. Хочется хулиганить. Как в детстве!

– Пострелять из пистолета?

– Нет, – голос Артура изменился. – Это другое.

– Это когда грустно? – догадалась я.

– Да, это когда грустно.

– У меня тоже так бывает. Тогда я иду гулять одна.

– М-да… – Артур вздохнул. – Кстати, пистолет не настоящий. Он пневматический.

– Понятно, – сказала я. Хотя на самом деле плохо понимала слово «пневматический», но спрашивать объяснения не стала.

Артур молчал. Тишина окружала и страх холодной волной подбирался к сердцу.

– А охотится за книгами интересно? – спросила я.

– Очень! Правда, чаще всего я охочусь за ними не для себя. Я работаю на богатых коллекционеров, которые платят мне, чтобы я находил и выкупал у людей редкие книги. Ведь на аукционах сейчас появляется все меньше и меньше красивых, старинных книг. Почти все они в чьих-то библиотеках, частных коллекциях.

– А насколько старой должна быть книга, чтобы ты стал за неё охотится?

– Ну, на самом деле ценность книги определяется не только датой её рождения, но и многими другими факторами: оформлением, тиражом, тематикой, местом печатания, известностью или наоборот, неизвестностью автора. Ну, и, конечно, ажиотажем, который вокруг неё нагнетается.

И коллекционеры, кстати, тоже бывают разные: кто-то собирает книги потому что интересуется какой-нибудь темой или автором, другие собирают красивые, богато оформленные книги, сами по себе являющиеся произведениями искусства. Для кого-то это удовлетворение собственных амбиций, а некоторые охотятся за книгами просто ради самого процесса охоты. Это те же азартные игроки, только выигрыш для них – редкая книга. В действительности, они не любят книги, поэтому с такими заказчиками я не работаю.

В церкви стало совсем темно и я уже не видела лица Артура за решеткой.

– Значит, в нашем городке есть редкая книга, за которой ты и приехал?

– Да. Это «История переворотов в России» 1760 года. Одно из первых европейских исследований по истории России времен императора Петра I. Книга не большая редкость, но представляет интерес для историков. Я уже договорился с ее хозяином и завтра она будет у меня в руках. Кстати у мистера Хатуэя замечательная библиотека, полная редких старинных книг. Там есть такие сокровища, которые не снились многим библиофилам. Он мало кого пускает в свою библиотеку, но я в числе тех счастливцев, кому он показывает свою сокровищницу. Мистер Хатуэй мой старинный друг и учитель. Он знает о книгах больше меня.

Пока Артур говорил, я видела, как в окружавшей меня темноте, тени стали подбираться ко мне все ближе и ближе, они шевелились совсем рядом, склоняясь надо мной как похоронные плакальщики. Я не выдержала и вскочив, заглянула в кабинку, где сидел Артур. Там, в глухой темноте, еле различимо белело его лицо.

– Книгу ты добыл. Значит, ты скоро уедешь? – спросила я.

– Завтра вечером я уезжаю в Лондон.

– Темно-то как! – прошептала я. – Ничегошеньки не видно. И еще здесь тени двигаются...

Тут я услышала звонкий шлепок и Артур воскликнул:

— Я — идиот! Тебя же дома наверняка обыскались. Мне нужно проводить тебя. Идем! Что? Какие еще тени? Здесь никого нет кроме нас. Впрочем, с твоим воображением... Давай-ка руку, еще споткнешься обо что-нибудь.

Я протянула руку. Моя ладонь оказалась ледяной, а его — горячей. Я стала протестовать, домой мне совсем не хотелось.

— Не спорь! — сказал Артур. — Пошли отсюда.

Почти на ощупь мы прошли между рядами скамеек, миновали ризницу и выскочили на улицу. Артур захлопнул дверь, а потом снял свое пальто и накинул его мне на плечи. Оно было мне велико.

Перебравшись через ограду тем же способом, что и ранее, мы почти бегом понеслись по темному не освещенному бульвару. Нырнули в мглу узкой улочки, над которой крыши домов нависали так близко друг к другу, что даже звездного неба, которое хоть немного освещало бы путь, не было видно. Мы бежали так быстро, что скоро я почувствовала жжение в грудной клетке, при вздохе мне не хватало воздуха. К счастью, уже скоро показалось здание с большой аркой. За ним были ограждения, в которых кое-где решетка была отогнута и можно было пробраться на другую сторону, где начинался жилой город.

Когда мы пролезли сквозь прореху в решетке и прижимаясь к стене, чтобы не попасть под бдительный «глаз» камеры, оказались в городе, то меня сразу оглушил шум проезжающих автомобилей и ослепил свет фонарей. Контраст между тем, где мы были, — темными улицами, пустой церковью — и бурлящим городом был настолько сильным, что я на миг оцепенела, вглядываясь в светящиеся витрины магазинов и проходящих мимо людей, как будто видела все это в первый раз. Артур слегка дернул меня за руку:

— Куда теперь? Может быть, я посажу тебя в такси?

— Нет! — очнулась я. — Лучше пойдем пешком.

— Твой дом далеко?

— В получасе ходьбы.

— Тогда пошли!

Артур метнулся к пешеходному переходу и резко остановился перед светофором. Мы подождали, когда проедет поток машин и перешли на другую сторону улицы.

Идя по липовой аллее, я наблюдала, как свет фонарей, пробиваясь сквозь листву деревьев, создавал причудливые узоры у нас под ногами. Вокруг скамеек группками толпилась молодежь и когда мы проходили мимо них, то нас провожали взглядами, а кое-где и смехом. Элегантное пальто Артура висело на мне мешком.

– Можешь забрать пальто. Я уже согрелась, – сказала я.

– Не верю, – ответил Артур. Сам он шел, глубоко засунув руки в карманы брюк и подняв воротник пиджака. – Прохладно. А на этих чудиков не обращай внимания. Вряд ли они читают книги.

Я гордо вскинула голову и подобрала полы пальто повыше. Вот именно! И чего мне их смущаться? Я и Артур знаем столько всего интересного, что этим глупым недоросткам даже и не снилось! А в пустой церкви было замечательно, хоть и немного жутко. А впереди наверняка еще столько чудесного! Ведь Артур так и не открыл мне, кто он такой. Но из странного, неизвестного типа в траурной одежде, Артур всего за несколько часов превратился в человека, с которым мне было очень легко и интересно общаться. Мне не хотелось, чтобы он уезжал.

– Ты чего загрустила, Алиса?

Я пожала плечами.

– Спорим, я достану вон до той ветки? – сказал он, указывая на свисавшую ветку липы.

– Слишком высоко.

Подростки вокруг уже не смеялись, но продолжали молча глазеть на высоченного молодого человека и девчонку, которые громко хохоча, забыв обо всех вокруг, дурачились, подпрыгивая у каждого дерева. Когда аллея закончилась, мы свернули на одну из широких пешеходных улиц, вдоль которой с одной стороны тянулись магазины, а с другой – длинный бульвар с маленькими фонтанчиками. Из кофеен вкусно пахло кофе и ванильными

пирожными. За столиками сидели люди и никуда не спешили. Все вроде было хорошо, но мне опять стало грустно. Хотелось остаться с Артуром, гулять всю ночь напролет и слушать его рассказы про книги.

В полукруглом дворике нашего дома никого не было. Я сняла пальто и отдала его Артуру.

Он закинул пальто за плечо и подтолкнул меня к дверям. Улыбался он как-то невесело.

– Беги, а то замерзнешь. Прощай, Алиса! Было очень приятно с тобой познакомиться.

А как мне было приятно! Но я боялась высказать это. Я вообще не могла что-либо сказать, хотя воображаемый диалог в моей голове уже накручивал не первый круг. Я очень боялась сказать какую-нибудь глупость и эта сцена перед дверью, как в фильмах, была наполнена робостью и невысказанными словами.

– Неужели мы так просто и расстанемся? – сказала я с напускной обидой. – Ты так и не поведал мне кто ты есть на самом деле.

Артур вдруг посерезнел и глядя мне прямо в глаза спросил:

– А ты, правда, хочешь это узнать?

– Да.

– Даже если придется сильно испугаться?

– Думаешь, я из пугливых?

– Как раз, нет.

– Тогда расскажи.

– Завтра.

– Ой, у меня же завтра занятия в школе. Я освобожусь к 12.

– Отлично! Буду ждать тебя на Рыбной площади.

– Окей! До завтра!

Я шмыгнула за дверь, захлопнула ее и оперлась на нее спиной, переводя дыхание. Сердце сильно билось о грудную клетку. Я припала к дверному зрачку в надежде увидеть Артура, но во дворе уже никого не было.

Несмотря на волнение, хотелось петь и прыгать. Внутри все так и подскакивало от счастья. Отец работал в своей мастерской, и я не стала ему мешать.

Вместо двери в моей комнате висела плотная занавеска, которую я почти никогда не зашторивала, а если и делала это, то только в плохом настроении. Сегодня я тихонечко задернула занавеску наполовину. Взяв листок бумаги и карандаш, я стала рисовать Артура. Сначала у меня ничего не получалось, но скоро я перестала следить за движениями карандаша, рука двигалась по бумаге автоматически и рисунок проявлялся сам собой. Окружающий мир отступил, я оказалась в своеобразной воронке, центром которой был лист бумаги. Я старалась передать выражение лица своего нового друга, но это было не так-то легко — все расплывалось, мне удавалось ухватить лишь отдельные черты.

Отложив карандаш, я скептически оглядела рисунок. Нет, это не Артур! Я смяла листок и вздохнув, бросила его в корзину. Легче описать его словами, подумала я, забираясь под одеяло. Если бы Мэри спросила меня: «Ну и какой же он?», то я бы ответила: «Высокий и весь какой-то картины». «Это как понять?». Ну, он такой же высокий и вытянутый как фигуры на полотнах Эль Греко, у него такие же пальцы, как у мадонн Боттичелли, такая же густая шевелюра как у муз прерафаэлитов, глаза, как у юношей Аньоло Бронзино, нет, пожалуй, как на портретах Михаила Нестерова, а еще ...

Потом я заснула.

3.

На утро, в школе я была совершенно рассеянной, делала ошибки, и отмалчивалась на уроке по любимому предмету — английской литературе, чем сильно обеспокоила мистера Пайпса. Такое поведение было не свойственно для меня. Мне нравилось слушать рассказы об английских поэтах и писателях, читать их стихи наизусть. Но в этот день я весь урок рисовала, уткнувшись в тетрадку и меня не тронул даже рассказ о трагической судьбе юного поэта Томаса Чаттертона.

Как только прозвенел звонок с урока, я быстро собралась и побежала к выходу, но тут меня окликнул мистер Пайпс.

– Юлия, у тебя все нормально? Ты не заболела?

Я сделала пару шагов к учителю, потом к двери, будто разрываясь между ними.

– У меня все отлично. Простите, мистер Пайпс. Я вам потом все расскажу.

Учитель кивнул. Я выскочила из класса и побежала по коридору, но неожиданно кто-то схватил меня за рюкзак. Это была Мэри.

– Куда мчишься? Опять физкультуру прогуливать? – строго проговорила она.

– Да! Я опаздываю на важную встречу.

– На важную встречу! Ох-хо-хо! – пробурчала Мэри.

Я пулей вылетела из здания школы и побежала к Рыбной площади. Я так боялась опоздать, что летела, не чуя под собой ног. На площади я сразу заметила высокую фигуру Артура, который возвышался над всеми и был похож на Гулливера среди лилипутов. Он стоял у фонтана, заложив руки за спину и внимательно смотрел вниз, на воду. Я взглянула на часы. Было без пяти двенадцать.

– Привет! – сказала я, подходя.

– Здравствуй! – произнес Артур, отвлекаясь от созерцания воды в фонтане.

Он улыбнулся и поклонился мне на старинный манер. Я в ответ изобразила реверанс. Он предложил мне руку и мы пошли, медленно прогуливаясь по площади, пугая голубей.

– Куда пойдем? – спросила я.

– Давай не будем об этом думать. Мы просто гуляем.

– Давай. В нашем городке трудно заблудиться, – усмехнулась я.

Я держалась за его руку и удивлялась насколько быстро он стал мне таким близким. Может, я слишком доверяюсь этому странному человеку? Он же сам говорил, что нельзя доверять людям. Но я совершенно не чувствовала

никаких опасений, как будто мы были знакомы уже давно, и в тоже время Артур все еще был для меня загадкой.

– Придумал! – воскликнул он. – Пойдем к мистеру Хатуэю, заберем книгу. Ты увидишь лучшую библиотеку в городе, а может и во всей Англии.

И мы направились вниз от площади к зеленой улице. День был теплым, солнечным и зацветающие кусты, цветы в палисадниках уже источали кругом сладкий аромат. Дома на этой улице, двухэтажные, крепкие, с черепичными крышами, были одними из самых старых в городе. Их построили еще в XVIII веке, и, хотя они не принадлежали знатной аристократии, не имели роскошных, больших фасадов и парадных подъездов, но каждый из них был своеобразным маленьким старинным замком и мог бы соперничать с любым из дворцов в том, чтобы красоваться на туристическом фото.

Артур привел меня к тому самому дому, в котором он исчез, когда я шпионила за ним. В палисаднике пышно цвела сирень и в ее цветах прятался двухэтажный дом с деревянной дверью, выкрашенной зеленой краской. Артур постучал. Дверь открыла пожилая, худощавый мужчина в светлых брюках и белой рубахе навыпуск. Держался он очень прямо, волосы и усы у него были совершенно седые. Он хмуро посмотрел на меня.

Артур протянул ему руку:

– Здравствуйте, мистер Хатуэй! Это Юлия.

Я молча кивнула головой. Мистер Хатуэй ничего не ответил, но в дом пропустил.

Я стала осматриваться. В первый раз я была в таких старинных домах. Здесь и внутри все было как в музее: деревянные полы, низкий бревенчатый потолок, старая массивная мебель. Широкая лестница из потемневшего дерева вела на второй этаж. Но больше всего меня поразил сундук, который стоял в холле. Он был такой огромный, что мы вдвоем с Мэри могли бы спрятаться в нем совершенно свободно. Через приоткрытую дверь в гостиную был виден большой камин, около которого горкой были сложены поленья.

– Ты тоже любишь книги? – спросил мистер Хатуэй.

Я сначала не поняла, что это обращаются именно ко мне, поэтому немного стушевалась.

– Я? Да… очень люблю!

– Тогда тебе это будет интересно, – сказал он и открыл дверь напротив.

– Проходите!

Мы прошли в просторную комнату, где имелись только стол, пара кресел и стремянка. Остальное пространство занимали книги. Вокруг, по стенам, включая и второй этаж, стояли книжные полки. Книги, судя по корешкам, были довольно старые. На второй этаж, на галерею, вела узкая лестница с блестящими, гладкими перилами. Я представила, как сотни лет хозяева этого дома поднимались и спускались по ней, руками отполировав перила до блеска.

Я подошла к полкам. Здесь пахло совсем не так, как в моем книжном шкафу. Это был сладковато-горький, сложный запах, который состоял из запаха дерева, натуральной кожи, пыли и засаленных ветхих страниц.

– Если хочешь, можешь подняться наверх. Только будь осторожна и не трогай книги руками, – сказал мистер Хатуэй.

Я поблагодарила и стала рассматривать корешки книг. Судя по названиям, которые прочесть было довольно сложно, здесь были английские, немецкие, французские, итальянские, испанские книги. Мне даже встретились русская кириллица и арабская вязь. Но не на всех корешках были выбиты названия. Некоторые книги не сообщали мне своего имени. Книги были одеты в холщовые и кожаные обложки. На некоторых, в основном кожаных, имелись самые различные тиснения, узорчатые рельефы, вклейки, вставки из металла и перламутра. А сколько здесь было разнообразных шрифтов! Готические, витиеватые, растительные, геометрические; буквы составлялись даже из стилизованных фигур животных. Конечно, мне тут же захотелось взять в руки одну из таких богато «разодетых» книг, но я помнила, что мистер Хатуэй запретил дотрагиваться до них.

Пока Артур и мистер Хатуэй разговаривали, я решила забраться наверх. Осторожно поднимаясь по лестнице, где с каждой ступенькой становилось все темнее и темнее, я окунулась в полумрак галереи.

Мне показалось, что книги здесь спали, и лишь некоторые, нехотя поглядывали на меня с верхних полок. Было очень тихо. Точнее, подумала я, больше подходило слово «молчаливо», ведь книги были живые, но так как я не могла взять их в руки, то они молчали. Я двинулась вдоль полок, медленно ступая, боясь их разбудить. Похоже тут книги были еще старше, чем внизу. На полках покоились огромные толстые фолианты в протертых кожаных переплетах, перетяжки которых бугрились словно позвоночные суставы. На корешках уже не было надписей, а если они и были когда-то, то давно стерлись.

Вдруг я увидела книгу, которая лежала плашмя на слегка приподнятой подставке в небольшой нише между полками. Она была одета в толстый кожаный переплет темно-рыжего цвета с металлическими защелками; сверху к ней крепилась грубая скоба с кольцом и продетой в него черной цепью, которая лежала рядом с книгой.

Я застыла около этой бывшей «узницы». Кто заковал ее и, кто потом освободил? Мне захотелось открыть книгу, послушать, что она может рассказать и это желание становилось еще сильнее от того, что книга была так тщательно заперта. Я наклонилась к ней поближе, но на потертом переплете не было никаких букв, только геометрическая рамка и тисненный ромб посередине обложки. Я посмотрела вниз – Артур и мистер Хатуэй по-прежнему что-то обсуждали и не смотрели в мою сторону. Тогда я, нарушая запрет мистера Хатуэя, дотронулась до книги, провела пальцем по шершавому срезу страниц, приложила ладонь к переплету и почувствовала, что книга слегка теплая.

«Ух, ты! Может, она живая?» – подумала я и стала наклоняться к книге...

– Знакомишься с Плутархом?

От неожиданности я подпрыгнула на месте и обернулась. Это был Артур.

Я показала на книгу.

– Это Плутарх?

– Да. И это очень старая книга. Ей больше 400 лет. Если бы она была издана чуть раньше, лет на 70-80, то ее называли бы инкуна́булой.

От этого слова повеяло средневековьем, алхимией, колдовством. Кстати, мистер Хатуэй был похож на мага, Артур тоже хранил какую-то тайну. И это, несомненно, было связано с книгами.

– Что такое инкуна́була?

– Книга, которая была издана на заре книгопечатания. Это первые печатные книги в Европе, которые еще подражали рукописным. Они были богато украшены гравюрами и рисунками. Это очень ценные и дорогие книги.

Я еще раз взглянула на книгу с цепью.

– Я бы хотела ее открыть. Мне кажется, она живая.

– Возможно. Пойдем. Мистеру Хатуэю нужно работать, – сказал Артур шепотом.

Мы спустились вниз, где нас ждал хозяин библиотеки. Мне показалось, что его взгляд немного смягчился.

– Я вижу, тебе здесь понравилось, – сказал он. – Если хочешь, можешь зайти с Артуром еще раз.

На улице солнце светило вовсю, но перед моими глазами еще стояли укрытые в полумраке книжные стеллажи со спящими на них книгами.

– Ну, как? – спросил Артур.

– Потрясающе! – восхитилась я. – Никогда не видела такой библиотеки. Сколько там старинных книг! Ты давно знаешь мистера Хатуэя?

– Когда я еще жил в N-тоне, мои родители дружили с ним. Во многом благодаря ему и его уникальной библиотеке, я влюбился в книги. Он – человек увлеченный, знает почти всех библиофилов в Европе. Он по-прежнему мой наставник, я многому у него научился.

– Например?

– Ну, например, он сказал мне, что нельзя у настоящего любителя книг напрямую спрашивать продаст ли он ту или иную книгу. Нужно спросить сможет ли он *расстаться* с этой книгой и обязательно дать ему время подумать. Это своеобразный этикет библиофилов.

– И часто он расстается со своими книгами?

– Нет. Сегодня он продал мне книгу в первый раз. Он знает заказчика, он тоже уважаемый человек в мире библиофилов.

– А у тебя много книг?

– Ну, все познается в сравнении. Моя библиотека совсем небольшая.

Всего 206 книг.

– Ты их все прочитал и посчитал?

– Конечно!

Я задумалась.

– Надо мне тоже посчитать свои книги. Жаль, что у нас нет таких редких книг как у мистера Хатуэя.

– Не расстраивайся. Все книги ценные в той или иной степени и в зависимости от ситуации. Я считаю, что у книги, прежде всего, большая духовная ценность, а ее материальная ценность трудно предсказуема. Хотя многое решает время. Иллюстрированное, роскошное издание, на хорошей бумаге и с качественной печатью стоит дорого, но это не значит, что его ценность возрастет с течением времени, а неприметная книжка в мягкой обложке через несколько лет может стать библиографической редкостью. Может случиться, что через некоторое время какая-нибудь копеечная малотиражная брошюра по кулинарии будет цениться на вес золота только потому, что ее автор стал поваром с мировым именем. По «успешности» книг можно изучать историю.

Пока мы шли, Артур успел рассказать несколько невероятных случаев из жизни книг, к примеру, о том, как из-за книг совершались кражи и коварные убийства. Я завороженно слушала, осуждала преступников, но в глубине душе понимала, почему люди шли на эти ужасные преступления.

Конечно, из-за непреодолимой страсти к книгам. Для них они были дороже всего золота мира.

До поезда еще было время, и мы решили отправиться к руинам. Самая короткая дорога к замку проходила через нежилой квартал. Мы дошли до здания с аркой, пролезли сквозь прореху в решетке, прошли мимо дома Артура, где оставили сверток с книгой, и направились прямиком по длинной сквозной улице, которая упиралась в зеленый луг. Здесь, у небольшой речушки, огибавшей город, было много гуляющих, но мы направились дальше, перешли речку по каменному мосту и углубились в поле с высокой некошеною травой. Грунтовая дорога полого поднималась на большой холм, где стояли руины замка.

Солнце потихоньку начало клониться к западу, и я вспомнила, как в точно такой же ясный погожий день тайно наблюдала за Артуром. Теперь мы шли вместе. Позади виднелся N-тон, впереди – зеленое поле, голубое небо и серый замок вдалеке. Но вот дорога свернула в сторону, и нам пришлось нырнуть прямо в высокую траву. Артур шел впереди, касаясь ее раскрытыми ладонями. Я шла за ним след в след. Трава приятно щекотала ладошки и успокаивала мысли. На какое-то мгновение они совсем исчезли и тогда мир вокруг как-то расширился, стал ярче, полнее и я вновь ощутила непередаваемое чувство счастья, которое слегка сдавливало грудь. Хотелось рассказать об этом Артуру, но я никак не могла подобрать слова, чтобы описать свои ощущения.

Мы приближались к руинам замка. Кое-где стали попадаться большие валуны, заросшие мхом – остатки разрушенной стены. Земля была покрыта каменной крошкой, и трава росла здесь уже не так густо.

Вблизи руины производили впечатление. Из четырех высоких башен три сохранились очень хорошо, и лишь четвертая рассыпалась почти полностью, будто ее раскрошил гигантский палец великана. Замковые стены стояли прочно и войдя во внутреннее пространство замка, можно было скрыться за ними, оказавшись в своеобразном каменном колодце. На стены и в башни можно было забраться

по ступеням галереи, которая раньше соединяла внешнюю, уже разрушенную стену с одной из башен замка. Отсюда открывался удивительный по красоте вид: N-тон был как на ладони, далеко на востоке виднелся лес, а на западе, где горизонт туманился серой дымкой, скрывалось море. Оттуда дул легкий теплый ветерок.

Артур предложил залезть наверх башни. Если смотреть вверх, находясь внутри башни, можно было заметить, что когда-то здесь были перекрытия. Вдоль по стене, спиралью поднималась каменная лестница и на каждом из ярусов из стен выдавалась площадка в метр шириной, на которую раньше укладывался деревянный пол. Чтобы добраться до самой крыши, нужно было пройти по узкой лестнице и этим площадкам, опираясь только о стены.

Артур взял меня за руку, и мы стали подниматься. Дойдя до первой площадки, которая располагалась на высоте 3–4 метров, Артур вдруг остановился. Его руки, всегда теплые, стали ледяными. Я заметила, как он сильно побледнел. Я быстро поняла в чем тут дело.

– Ты боишься высоты! Может, тогда лучше спустимся?

– Нет, мы должны дойти до верха! – заявил Артур, но не двинулся с места.

– Тогда я пойду первой, – сказала я и протиснулась на пару ступеней вперед. – Давай руку!

Все время пока мы поднимались, Артур очень сильно сжимал мои пальцы, но я терпела, видя, как он изо всех сил старается скрыть свой страх и унять сильную дрожь в теле. Пару раз мы останавливались, потому что проходили мимо бойниц и Артур случайно бросал взгляд вниз. После этого ему приходилось пару минут приходить в себя. Наконец, мы добрались до верхнего яруса башни и поднялись на остатки верхней площадки. Артур тут же схватился за парапет обеими руками и окаменел, вперив взгляд в линию горизонта.

– Ура, – сказала он тихо, будто боясь, что вибрация голоса нарушит его равновесие. – Мы это сделали. Господи, как же это было страшно! И сейчас тоже страшно! А нам еще спускаться вниз. Кошмар. Я никогда еще не был

так напичкан адреналином как сейчас. Даже когда в первый (и последний) раз сел за руль автомобиля. Но, посмотри, как здесь красиво!

Действительно, вид был прекрасен. Море туманной серо-синей полоской вытянулось на горизонте словно мираж. На севере, за лесным массивом, виднелась деревня, на юге почти полностью можно было охватить взглядом N-тон с прилегающими распаханными полями и частными фермами. От холма, на котором стоял замок в четыре стороны расходились несколько тропинок, терявшихся в волнах густой травы. И еще мы видели спины и распахнутые крылья птиц, которые пролетали мимо башни.

– Жаль, что мы не застанем закат, – вздохнула я.

– Застанем, как-нибудь в другой раз.

Интонация его слов меня не убедила.

– Знаешь, что... Пообещай мне, что расскажешь, кто ты такой и обязательно вернешься в N-тон, – сказала я твердо.

Артур медленно перевел взгляд на меня, но ничего не сказал.

Мое любопытство дошло до предела.

– Ты обещал.

– Я помню.

– Пообещай мне, что посвятишь меня в свою тайну! – воскликнула я и в порыве схватила его за руку.

– Не трогай меня! Я же упаду! – закричал Артур. – Ну, хорошо, хорошо! Я все расскажу. Чуть позже.

– Ой, прости. Ура! Ха-ха-ха! Давай лучше спускаться отсюда. А то ты так вцепился в камень, что аж пальцы побелели.

Спускались мы медленнее, чем поднимались, так как я, в приподнятом настроении, всячески дурачилась: высовывалась по пояс из бойниц, «оступалась» на площадках, перемахивала через ступеньки лестницы, чем доводила Артура до того, что он кричал на меня, требуя прекратить это безобразие.

Замок был отличным местом для игр. Он вообще был отличным местом. Хотя и говорили в городе, что замок проклят. Здесь когда-то

давным-давно произошло страшное коварное убийство: лорд, владелец этого замка, влюбился в простую служанку, которая отвергла его любовь, так как уже любила юношу-конюха. Молодые люди хотели пожениться. Тогда лорд, разгневанный, в порыве ревности задушил юную служанку и бросил ее тело в море, которое раньше подходило намного ближе к замку. А потом лорд убил конюха, повесив его на балке в одной из конюшен и подстроил все так, чтобы это выглядело как самоубийство отчаявшегося влюбленного, который потерял свою возлюбленную.

С тех пор обитателям замка не давали покоя странные звуки и видения. Стоны и хрипы разносились по комнатам, а в полнолуние в замке часто видели призрак девушки с длинными, распущенными по плечам, волосами. Там, где проходил призрак, на полу оставались мокрые следы. Говорили, что вода была соленой. То ли это были слезы несчастной, то ли морская вода стекала с ее волос и одежды. В это же время что-то невообразимое начинало творится в конюшнях: кони начинали беситься и ломать загоны, балки и кровля ходили ходуном, как будто их раскачивала какая-то невидимая сила. Интересно, что в исторических источниках имелось упоминание о том, что владелец этого замка, некто лорд N, славившийся распутством и жестокостью, в итоге сошел с ума, сбросился с обрыва и разбился о камни.

Говорят, что призраки перестали появляться после того, как замок был разрушен и опустел. Но это не так. Достаточно людей, живущих сейчас, утверждали, что видели призрак девушки с мокрыми волосами и ее возлюбленного, который не имеет человеческого облика, но является в виде сильного, штормового порыва ветра, который может вырвать с корнем дерево или утащить в море путников...

– Вот так... – закончила я шепотом. – Я верю в призраков, но верю и в то, что добрым, хорошим людям они не причиняют вреда, только плохим. Мне очень жаль юную служанку и ее жениха, которых убил злой лорд. Я на стороне добра, поэтому без страха гуляю здесь.

Мы сидели на ступенях галереи. Артур задумчиво выметал метелочкой мелкие камешки.

– Бояться нужно не призраков… – начал он.
– …а живых людей, – докончила я. – Знаю. Но ведь не может же замок без привидений!

Артур посмотрел на меня и сказал:
– С тобой хорошо, Алиса. Интересно. Как будто тебе не шестнадцать, а десять лет. Ты в душе еще ребенок.
– Это плохо?
Артур засмеялся.
– Это невыразимо как хорошо! – сказал он. – Это богатство, которое ты должна хранить всю свою жизнь. Остальное не имеет никакого смысла!
– Ты категоричен.

Артур вдруг переменился. Его речь стала быстрой, эмоциональной и как будто не поспевала за его мыслями.

– Ты сейчас не поймешь ничего, что я скажу. Точнее, не предашь этому значения. Но я все-таки скажу. Я уже начал это осознавать и это ужасно. Знаешь, что это?

Я посмотрела в его широко распахнутые глаза и спросила, замирая от любопытства:

– Что?
– Старение! Мы стареем, и обыденная жизнь крадет у нас детство.
– Но это же естественно, – разочарованно сказала я.
– Да. Это естественно, но мы совершенно не приспособлены к этому переходу. Тебе еще до этого далеко, поэтому тебя это не волнует. Нас не готовят к тому, что когда-нибудь мы начнем медленно умирать, мучительно осознавая это. Детство не длится вечно, как бы мы не хотели его удержать. Даже книги, которые мы любили когда-то и те меняются вместе с нами. В детстве они захватывают нас целиком, а когда мы взрослеем и перечитываем их, то не находим уже того, что так пленяло в них раньше. А иногда случается самое страшное – под гнетом жизненных обстоятельств люди вообще перестают читать, у них просто не хватает на это времени, представляешь? Вот над этим я все время думаю и мне становится страшно.

Я пожала плечами, а Артур продолжал:

– Я завидую тебе, Алиса. Ты переживаешь сейчас самое прекрасное время в своей жизни. Ты легка, как перышко и также легки твои мысли. У тебя есть мечта, герои, книги. У тебя еще нет взрослых забот и проблем. Тебе не нужно зарабатывать деньги. Ты еще много не знаешь, у тебя все впереди. Каждая книга для тебя большой, удивительный мир! Ты впитываешь знания и тебе их все мало. Тебе кажется, что жизнь бесконечна. Любознательность, жажда приключений, смелость, легкость. Невообразимая легкость бытия! Детство – это движение, свет, счастье! Но с годами этот благодатный мирок закрывается, покрывается толстой коркой и нам все труднее к нему пробиться. Потом все совершенно окостеневает и даже детские воспоминания уже не оживляют скучное сознание взрослого человека. Будь он здоров или болен, его постоянно гложет это противное чувство несовершенства всего, что вокруг и внутри него: он сам не совершенен, люди вокруг несовершены, политическая система плоха и вообще все становится только хуже. Книги и познание мира уже не приносят радости, а только умножают скорбь. Есть, конечно, один выход – это творчество и осознанность, постоянная концентрация внимания на самых простых вещах, постоянное детское удивление. Алиса, не стремись взросльть! Всегда оставляй для себя тропинку в мир детства. Это, единственный свет в твоей жизни!

Когда Артур выплеснул из себя эту тираду, то замотал головой и закрыл уши руками, будто боясь моих ответных слов, но я не собиралась ему возражать. Интуитивно, пусть не до конца, но я догадывалась, о чем он говорил и мне стало жалко его. Он говорил, как умирающий, его слова были как воспоминания о былой, прекрасной жизни, которая, к сожалению, подходила к концу.

– Успокойся. Ты так переволновался, – сказала я как можно мягче.

Артур воздел руки вверх, потом схватился за голову и воскликнул:

– Ты не понимаешь! Ты пока не понимаешь, насколько это важно! Ты должна попытаться остаться такой, какая ты сейчас: чистая, счастливая,

любознательная, мечтающая! Это и есть *смысл жизни!* Все остальное – ерунда!

– Кажется, это, действительно, серьезно, – пробормотала я. – Не беспокойся, я запомню твои слова.

– Хорошо бы, чтобы ты припомнила и поняла их вовремя, – проговорил Артур.

– Мне кажется, – начала я робко, – Что ты все время говорил о себе. Может, у меня все будет в жизни по-другому?

– Ты права, Алиса, я говорю о себе. Во мне мучительно умирает ребенок. Я уже не знаю, что мне сделать такое, чтобы его спасти. Поэтому мне так хорошо с тобой. В ауре твоего детства, я вспоминаю свое. Я очень хочу, чтобы у тебя все сложилось идеально, чтобы ты стала тем, кем хочешь стать, чтобы продолжала рисовать и читать книги. Именно поэтому я пытаюсь предостеречь тебя, раскрывая некоторые часто повторяющиеся жестокие законы жизни, которые нужно знать, чтобы действовать правильно.

– Артур на миг остановился. – К тому же все, что я тебе сейчас говорю, имеет прямое отношение к моей тайне, которую ты так хочешь узнать.

– Ты все равно не хочешь рассказывать.

– Это небезопасно.

У меня загорелись глаза.

– Будут проблемы с законом? – спросила я.

– Нет. Могут быть проблемы с жизнью. Я не хочу, чтобы ты превратилась в депрессивного подростка или стала несчастной. Лучше бы я никогда тебе ничего не говорил! Почему ты просто не убежала тогда?

– Любопытство.

– Любопытство – противоречивое свойство человеческой природы, – вздохнул Артур. – Смотри, солнце начинает закатываться. Красиво...

– Ой! – вскочила я на ноги. – Ты же опоздаешь на поезд!

– Я никуда не еду.

– Почему?

Вместо ответа Артур сказал:

– Давай лучше посмотрим на закат. Ты же так хотела его застать.

И мы стали молча смотреть как заходило солнце. Я давно заметила, что если на рассвете все облекается в тишину, то на закате природа шумнее, чем обычно. И в этот раз поднялся ветер, не сильный, но достаточный, чтобы всколыхнуть море травы вокруг замка; чайки у моря стали кричать чуть громче, в воздухе появилось множество других звуков, которые я раньше не слышала – отдаленный шум моря, стрекот цикад, шелест листьев. Или все это я услышала только потому что погрузилась в глубокое созерцание и молчание? Артур рядом тоже молчал. В последние свои минуты солнце было ярким и было в глаза, но свет его уже был мягким, как потоки теплого шафранового моря, которое затопляло нас с головы до ног. Уходя за горизонт, солнце разметало по нижнему краю неба золотую дымку, облака стали сперва ярко-оранжевыми, потом красными, небо приобрело зеленоватый оттенок. Когда солнце совсем скрылось, сверкнув последним лучом, облака пожухли, а небо еще светилось какое-то время, но потом стало темнеть.

Очнувшись от долгого созерцания, мне показалось, что я онемела и мое тело мне не подчиняется. Артур поднялся и потянувшись во весь свой огромный рост, предложил идти домой, так как скоро похолодает.

Мы прошли по галерее, Артур спрыгнул с полуразрушенной стены и помог мне спуститься. Мы уходили от замка прочь, который стал для меня еще более интересным и родным. Если там и водятся привидения, подумала я, то только добрые. Все зло осталось в прошлом. Такое хорошее место не могло быть проклятым.

Мы еще долго бродили по нежилому кварталу. Я расспрашивала Артура о книгах. За исключением своей тайны, он охотно говорил о них и обо всем, что касалось книг, а, по его словам, они были связаны со всем на свете. Из поэтов нам обоим нравился Уильям Батлер Йейтс и мы сговорились съездить как-нибудь в Озерный край. В кино нам нравился Ингмар Бергман. Одним словом, нас обоих трогали темы сопоставления идеального и

реального (материального) миров, проблема выбора между ними и попытка их соединения, примирения.

Артур опоздал на поезд и никуда не поехал. Как в первый раз, он пригласил меня на чай, и мы продолжили свои разговоры на кухне. О чем только мы не говорили! Артур уверял, что нет ничего невозможного, и я могу стать кем захочу, нужно только не бояться жизни и верить в себя. Попеременно я хотела быть то художником-иллюстратором, то режиссером, то переводчиком, то писателем, то врачом, то ученым-физиком, то астрономом. Артур говорил, что реальный мир, окружающая действительность с одной стороны реальна и опасна, а с другой – она как сон, переходяща и не стоит того, чтобы ее бояться и замыкаться в своих комплексах. Реальность можно изменить, изменяя себя. Он сказал, что, например, мой отец живет по меньшей мере в двух реальностях – в настоящем мире и в мире своего творчества. Я сказала, что я тоже, и мой выдуманный мир нравится мне намного больше. Артур тут же поспешил напомнить, что нереальный мир, хоть и более уютный, и интересный, питается от мира реального и чем свободнее мы ощущаем себя в мире реальном, тем интересней нам в мире выдуманном. И потом Артур сказал, что чтение это самый мягкий и безопасный переход в иную реальность, но существуют более сильные и впечатляющие по результату способы. Не стоит говорить, как сильно я хотела узнать о них, но Артур, заметив, что уже поздно, стал выпроваживать меня домой. Проводив меня до двери моего дома, он сказал:

– Постарайся сегодня лечь пораньше и хорошенько выспаться. А завтра встречаемся у дома с аркой в 4 часа утра. Оденься теплее. Мы попробуем пробраться в другой мир.

Лежа в кровати, я ворочалась и не была уверена, что мне вообще удастся уснуть этой ночью. Но потом сон окутал меня, и я проснулась от настойчивого пиканья будильника. Я бесшумно оделась и оставив отцу записку о том, что мы с Марией ушли встречать восход, выскочила из дома в тишину и прохладу предрассветного тумана. Улицы вокруг были такие же

пустынные как в нежилом квартале. По дороге мне встретился только дворник, выметавший мусор из-под лавок на Рыбной площади. Когда я протиснулась в дыру ограждения, то увидела, что Артур уже ждет меня в арке дома. У него за спиной был большой рюкзак. Я спросила, не идем ли мы в поход, но Артур сказал, что мы идем в замок, а в рюкзаке у него теплая одежда, одеяла и горячий чай. Я обрадовалась – значит, мы идем встречать рассвет в замке.

На траве в поле уже успела осесть роса и мы немного промокли, пробираясь к замку. Загадочные руины встретили нас, погруженные в безмолвие. Рассеянный свет и туман сглаживали очертания и замок казался почти не разрушенным, словно восставшим из сна средневековья. Вот-вот должны были послышаться голоса стражников и ржание коней. Но замок еще спал.

Мы забрались в левую башню с подветренной стороны. Артур вытащил из рюкзака одеяла и расстелил их прямо на полу. Мы уселись, и чтобы согреться выпили немного чая из термоса. В бойнице, напротив которой мы устроились, не было видно ничего, кроме полупрозрачной дымки. Стояла тишина, ни один листок на дереве не шевелился. И тут, в самые ответственные минуты перед рассветом, меня стало клонить в сон. Я сказала об этом Артуру. Он взглянул на часы и сказал, что до рассвета еще минут двадцать и я могу немного вздремнуть, а когда солнце начнет подниматься, то он меня разбудит. Я пристроилась у него на плече и тут же задремала.

Сон только успел охватить меня мягкой, теплой пеленой, как я сильно вздрогнула, и как обычно бывает в такие моменты, сразу проснулась. Вокруг все еще было сумрачно. Это меня порадовало, значит не проспала рассвет. Тут я заметила, что голова у меня была какая-то мутная, все вокруг немного расплывалось. Артура рядом не было. Я попыталась встать, но ноги меня не слушались. Дотянувшись до окошка-бойницы, я выглянула наружу и обомлела: внизу, в тумане, у самого подножия башни плескалось море! Я отпрянула назад. Откуда здесь море?! Однако даже не видя его, я явственно

слышала его шум, мерные приливы и отливы. Я почувствовала холод, меня зонбило. Снова сделав попытку встать, я поднялась и проковыляла к выходу. Там я увидела, что наш замок изменился: разрушенная башня была целой, все стены и галереи были тоже на месте. То есть это были вовсе не руины, а вполне целый настоящий замок.

И тут я увидела Артура. Он стоял на стене, соединявшей башни. Сделав шаг вперед, я тут же отшатнулась, потому что прямо у меня перед ногами зияла пропасть. Внизу смоляные черные волны омывали такие же блестящие черные камни. Через этот обрыв был перекинут мостик в две доски.

– Идем! – позвал Артур. – Не бойся. Это всего лишь сон.

Я попяталась назад. Хоть я и не боялась высоты, но трезво оценив хлипкость моста, я поняла, что это очень опасно. Однако Артур продолжал махать рукой и звал к себе.

– Давай, Алиса! Просто иди и не смотри вниз.

Неизвестно по какой причине, выбирая между жизнью и смертью, я поверила Артуру. Я ступила на мостик. Чтобы не потерять равновесие я раскинула руки и вперила взгляд в Артура. Маленьками шажками, потихоньку, я стала продвигаться по доскам вперед, а когда добралась до середины, то одним махом перелетела на другую сторону.

Он схватил меня в охапку и прижал к себе.

– Молодец! У тебя все получилось! А у меня на это ушло намного больше времени. Ты ведь знаешь, как я боюсь высоты.

Я все еще не понимала, где я и что происходит. Вокруг был такой сильный туман, что я еле различала предметы вокруг себя. Вдали смутно темнел силуэт башни, а на стене, где мы стояли, у бойниц стоял кто-то еще! Его было видно, потому что он был весь в черном. Я двинулась к незнакомцу, раздвигая туман как занавески. Человек был закутан в плащ, на голове – капюшон, он смотрел в мою сторону, но как будто не видел. Я остановилась. Ко мне подошел Артур и взял за руку, я стала пятится назад,

не отводя взгляд от человека в плаще. Я чуть было не упала, все вдруг завертелось, картинка поплыла. Тут Артур схватил меня за плечи, и сказал:

– Кружись! Не то мы вылетим отсюда раньше времени. Кружись!

Я стала вертеться вокруг своей оси, и странно – я не почувствовала головокружения как бывает обычно, а окружающее пространство наоборот приобрело стабильность и четкость.

Мы спустились по узкой лестнице вниз и оказались в небольшом темном дворике. По запаху я поняла, что где-то рядом была конюшня. Артур, не отпуская моей руки, протащил меня через двор к маленькой дверце, которая вывела нас на открытую площадку. Сзади высился замок, впереди был обрыв и море. Туман стал понемногу рассеиваться. Мне показалось, что я слышу голоса людей.

– Добро пожаловать в другой мир! – сказал Артур. – Это и есть моя тайна.

Я ошеломленно смотрела вокруг и ничего не могла понять. Я знала только, что все это мне снится. Но почему так долго, так ярко и что в моем сне делает Артур?

Я задала ему этот вопрос, и он расхохотался.

– Вообще-то скорее это ты в моем сне. Впрочем, можно считать, что он наш общий. Ах, как же давно я не чувствовал всего этого! Во многом благодаря тебе мы здесь.

– Где? Во сне?

– И да и нет. Смотри ка! Кто это там?

С края площадки вниз вели ступеньки к маленькой бухте. Я спустилась по ним и передо мной открылась потрясающая картина. Темное, слегка сереющее на востоке небо низко нависало над горизонтом и морем. Дул ветер и пригонял волны, которые с шелестом окатывали большущие с человеческий рост валуны, разбросанные по всей кромке берега. У одного из таких валунов, прислонившись к нему плечом, стоял человек. Это был тот же незнакомец в плаще. Он показался мне знакомым. Я уже сделала пару шагов, но тут заметила, что прямо к нему спешит молодой человек в старинной

одежде. Они стали разговаривать и до меня доносились лишь обрывки фраз. Обращаясь к человеку в плаще, юноша пару раз произнес: «мой принц». И тут я внезапно поняла, кто передо мной. Это было совершенно невозможно! Я побежала наверх к Артуру.

– Это же Гамлет! – выпалила я.

Артур, похоже, мало удивился.

– Ты в эти дни постоянно о нем говорила. О Шекспире, о Гамлете. Так-так-так! Алиса заснула и попала в Страну чудес!

Я уставилась на Артура.

– Где мы?

Он картино развел руками и произнес:

– В пьесе Шекспира.

– Ты шутишь?

– Ни капли. И ты сама этому свидетель. Все это реально. Точнее, реально здесь, во сне.

– Значит, мы во сне и одновременно в пьесе Шекспира?

– Да.

Я подумала – «вот, значит, как сходят с ума. Только кто здесь из нас помешался: я или Артур?»

– Мы тронулись умом?

– Нет.

– Ты колдун?

Артур улыбнулся.

– Я бы предпочел – сновидец в мире книг. Помнишь, я говорил тебе, что я путешественник? Я путешествую в книжных мирах.

Я не верила своим ушам.

– Этого не может быть! А мы сможем проснуться?

– Конечно, сможем. Вообще, проснуться намного легче, чем оставаться в сновидении, но моя сила может удерживать нас здесь довольно долго.

– Твоя сила?

– Это долгая история. Я расскажу все поподробней, когда мы вернемся. Не стоит терять время сейчас. Но я должен тебя проинструктировать. Запомни – мы во сне и значит, многое возможно. Например, не удивляйся, если сможешь проходить сквозь стены или летать. Это нормально. С героями общаться можно, но не привязывайся к ним, не вреди им, веди себя очень корректно. Это их реальность, а мы здесь только гости. И еще – не отходи от меня далеко, всегда держись рядом. Это очень важно. Главное, чтобы я не исчез раньше.

– Чеширский кот! – фыркнула я.

Артур засмеялся.

– А где мы сейчас в реальности? – спросила я.

– Спим в обнимку в башне замка.

– А если нас кто-то обнаружит? Мы сможем быстро проснуться?

– Быстро нет. Это вредно. К тому же время здесь течет по-другому. В реальном мире пройдет не более получаса, а здесь несколько часов или даже дней, как повезет. Запомни еще одну вещь – не бойся преодолевать препятствия, которые тебе здесь встретятся. Будь то предмет или человек, ситуация, прими вызов, поборись. Это придаст тебе опыта в реальной жизни.

Я слушала его и все еще не верила, однако все вокруг меня указывало на то, что Артур говорил правду.

– И что же нам теперь делать?

– А что бы ты хотела, если бы попала в мир Гамлета?

– Помочь ему и Офелии.

– Боюсь, это невозможно. Книжный мир имеет свои законы, мы не можем ничего изменить в сюжете, не можем повлиять на действия главных героев. Мы можем слегка изменить траекторию их судьбы, но результат все равно уже предрешен.

Я сокрушенно покачала головой.

– Ну, ничего, не расстраивайся, – продолжал Артур. – Это не самое страшное. Ведь мы могли попасть и в книгу, которую недавно читал я. А я читал книгу о Великой Французской революции. Сколько героических

событий! Но сколько и вражды, опасности, крови. Впрочем, я бы не удержался от попытки спасти Максимилиана Робеспьера и рассказать ему, что в будущем помнят о нем, несмотря на клевету его врагов, как о великом революционере, заложившем основы великой борьбы за справедливость.

— Тебе следует читать более веселые книги, — вздохнула я и взглянула на замок, — И мне тоже.

Все вокруг было в черно-серой гамме: серые стены, черные блестящие камни на берегу, низкое давящее свинцовое небо.

— Ты говоришь, что мы можем общаться с героями, — спросила я Артура, — но кто мы будем для них?

— Кем-то из их мира. Конечно, персонажами второстепенными или даже третьестепенными. Теми, кто подразумевается по логике времени и событий, но не попадают в список действующих лиц.

— А как мы узнаем кто мы?

— Как правило, все открывается само собой.

— Мне не остается ничего, как только поверить тебе.

Артур пожал плечами и улыбнулся.

Я вновь окинула взглядом темную машину замка и сделала пару шагов к нему навстречу.

4.

За неприступными стенами и башнями крепости скрывался королевский дворец. Мы прошмыгнули во внутренний двор, где заметили оживление: стражники, слуги и другие жители замка, кроме господ, окружили три больших повозки. Все были веселы, кто-то громко читал стихи. Я сразу поняла, что это были актеры. На нас никто не обращал внимания, поэтому мы спокойно зашли во дворец, не применяя свои стенопроницательные навыки.

Когда мы оказались внутри, то я восхищенно вздохнула. Нет, здесь не было роскоши, мраморных лестниц или золотых канделябр. Напротив, все было довольно просто: каменные стены, кое-где штукатуренные, а в залах — обитые деревянными панелями. Мебель. Ее было немного, но она вся была

такая основательная, большая, как сундук в доме мистера Хатуэя. На стенах висели картины, в основном портреты, а также гобелены, некоторые из них были просто огромными – по пять-семь метров в длину. Да и потолки здесь были высоченные. Здесь вообще было много свободного пространства, и я подумала, что по сравнению с этим дворцом, квартирки и дома большинства людей моего времени – просто убогие лачужки. Короли жили по-королевски.

Проходя по коридору, мы вдруг услышали пение. Пела молодая девушка. Голос у нее был красивый и мягкий. Пение доносилось из комнаты, дверь в которую была приоткрыта. Артур удивленно пожал плечами. Осмелев, я заглянула в комнату. Там сидела миниатюрная, очень молодая девушка, наверное, моего возраста. Она вышивала на пяльцах, то и дело поглядывая в окно. Тут она увидела меня.

– Юлия! Иди же скорей сюда, – позвала она, бросая свою работу. – Там, правда, приехали актеры? Надолго?

Я испуганно взглянула на Артура.

– Я буду в большом зале, – шепнул он и скрылся.

Я протиснулась в комнату. Девушка взобралась на приступку и почти высунулась в окно, наблюдая за тем, что происходило во дворе. У нее было очень милое, как говорят, ангельское лицо, невинное и доброе.

– Госпожа Офелия?

Она обернулась, а я смущенно потупила взгляд.

– Что с тобой, Юлия?

– Ничего!

– Ну, что ты узнала? Надолго приехали актеры?

Я подошла к окну.

– Не знаю, надолго ли они приехали, но это хорошие актеры.

Столичные трагики.

– Сегодня, наверняка будет представление! – воскликнула она.

– Да, – сказала я, вздохнув.

Офелия посмотрела на меня и, взяв за руку, усадила рядом с собой. Ее нежное лицо вдруг покрылось еле заметным румянцем.

– А больше ты никого не видела?

Я отрицательно помотала головой.

Она тяжело вздохнула и поникла. Видно было, что она вот-вот заплачет. Я не знала, куда себя деть.

– Что-то происходит. Что-то плохое, – пробормотала она. – Я чувствую, но не знаю, что именно. Он изменился и больше не пишет... Ты же видишь сама. Может быть, он больше...?

Из глаз у Офелии брызнули слезы.

– Нет! Он по-прежнему любит вас! – сказала я, гладя ее руки.

– Я верю тебе, Юлия. Я доверяю тебе самое дорогое. Мы доверяем. И ты всегда была так осторожна и... Скажи, никто не мог узнать? Недавно... – она встрепенулась. – Когда мы были наедине, лишь несколько минут, он шепнул, что вокруг враги, и я не должна никому верить. Какие враги, Юлия? Что происходит?

Мне стало ее жалко. Мне было всегда жаль ее, но теперь, когда я сидела рядом с ней и видела ее большие глаза, устремленные на меня, словно у раненного котика или олененка, я готова была сама убить короля, а Гамлета как следует отмутузить за его жестокость к этой девушке, почти ребенку.

– Принц просто очень тяжело переживает смерть отца, – сказала я. – Скоро все пройдет. И никто никогда не узнает о ваших письмах. Клянусь жизнью.

Чтобы хоть как-то развеселить ее, я сказала, что спектакль, действительно, состоится и нужно приготовиться к нему. Мы долго выбирали платье и украшения, а потом я попросилась уйти ненадолго, пообещав, что перед представлением приду, помогу ей одеться и причесаться. Офелия повеселела и отпустила меня.

Я поспешила в большой зал, с надеждой, что правильно поняла Артура и встречу его там. Это был зал в римском стиле. По всему периметру возвышались колонны, образуя замкнутый портик. В зал вели три входа с разных сторон, а у четвертой стены был постамент с несколькими ступенями,

по обе стороны от которого сидели большие каменные львы с пышными гривами. Вероятно, это было место для короля и королевы.

Я увидела Артура, прохаживающегося по портику в компании нескольких придворных. Они увлеченно беседовали. Не желая им мешать, я спряталась за фигурой одного из львов. Когда они приблизились довольно близко, то я смогла услышать их голоса, усиленные эхом большого зала.

— Так вы считаете, что в библиотеке не хватает таких книг? Стоит ли тратить на это деньги? — говорил один из придворных.

— Эти книги сейчас кажутся для вас малозначимыми, но через несколько столетий, многие из тех поэтических произведений, о которых вы говорили, просто забудутся, а такие книги как последний труд Иоганна Кеплера, который он издал в Гейдельберге, останутся в веках на долгие столетия. Это наука.

— А, по-моему, это шарлатанство, — пробурчал второй придворный.

— Нет, это наблюдения и математика, — отвечал Артур. — Математические законы изменят мир.

— А как же божественные законы?

— К сожалению, я не силен в теологии, — отвечал Артур. — Но я бы сказал, что с помощью математики мы можем понять божьи законы.

— Так что же первично, по-вашему, бог или математика?

— Ох, нет, господа, — Артур засмеялся. — Я вижу к чему вы клоните.

Слава богу, мы не в Риме и не в Испании. Впрочем...

— А что скажет на это король?

— Вы о книгах? Король не знаю, а вот принц Гамлет, уверен, даст согласие на покупку книг Кеплера, Галилея, Байера и других.

— Ну, хорошо. Я поговорю об этом с королем и с принцем.

Тут я не выдержала и высунулась из-за львиной гривы. Артур заметил меня.

— Беседа с вами, господа, порадовала и оживила мой дух, — произнес он. — Но позвольте мне откланяться и продолжить свои занятия.

Вельможи разошлись, и Артур вытянул меня из укрытия. Настроение у него было приподнятое. В первый раз я видела его таким радостным. Похоже, он был не чужд духу авантюризма.

– Кажется, я догадалась о твоей роли, – сказала я.

– Да, я библиотекарь и архивариус в замке, – Артур довольно улыбнулся.

– Ты уже видел библиотеку?

– Пока нет. Еще не понял, где она находится. А как поживает Офелия?

– Боится и страдает.

– Не нравится мне этот Гамлет.

– Кстати, где он?

– Эти двое сказали, что он с актерами, готовится к спектаклю.

Во внутреннем дворе замка, куда мы спустились, уже вовсю кипела работа, строили временную сцену и помост для короля и придворных. Актеры составили свои повозки в круг, отгородились от других. Они уже репетировали, но Гамлета среди них не было. Артуру не терпелось найти библиотеку, поэтому мы рисковали вновь разделиться ненадолго, условившись встретиться в том же зале со львами.

Не зная где искать принца, я некоторое время пребывала в нерешительности, но потом, покоряясь интуиции, решила отправиться к берегу моря. Проходя по галерее, завешенной картинами в богатых рамках, я услышала голоса. Разговаривали в одной из многочисленных комнат дворца, которая выходила в галерею. Суть разговора была мне знакома, но я все же остановилась и прислушалась.

– Так, значит, вы не можете добиться, зачем он напускает эту дурь? – говорил король. – Чем взвинчен он, что, не боясь последствий, в душевном буйстве тратит свой покой?

– Он сам признал, что чувствует расстройство, но что виной, не хочет говорить.

А! Это, наверное, Розенкранц, подумала я, один из «друзей»-предателей, вызванных шпионить за Гамлетом. Готов угодливо

прислуживать королю, как и его товарищ Гильденстерн. Я подошла поближе к дверному проему в виде арки, наполовину завешенному тяжелой портьерой.

Вот в разговор вклинился Полоний, отец Офелии, такой же подхалим как и эти двое. Его чрезвычайная услужливость стоила ему жизни и счастья дочери.

Вдруг послышались шаги, и портьера была отброшена резким движением, но я успела спрятаться за колонну. Быстрым шагом, чуть ссутулившись, еще не сменив подобострастной позы, вышли Розенкранц и Гильденстерн. Я проводила их взглядом и когда они достаточно удалились, выскользнула из-за колонны и побежала из галереи. Мне было известно, о чем договорились король, Полоний и королева. Они хотели использовать Офелию в качестве приманки, чтобы раскрыть причину Гамлетовой тоски. Король боялся. А вдруг Гамлет знает о его злодеянии?

Найдя путь к площадке перед замком, я спустилась вниз, к морю. И точно, моя интуиция меня не обманула – по кромке воды, среди огромных валунов бродил Гамлет. Его черный силуэт был виден издалека. Я не осмелилась подойти к нему, потому что знала, что именно сейчас он решает свой монолог о жизни и смерти. Были ли это мысли о самоубийстве или просто размышления о бренности бытия? Он хотел умереть, уснуть, но боялся тех снов, которые могли присниться за чертой жизни. Неизвестность! Вот что заставляет людей мириться со своими бедами и несчастьями. Я помнила наизусть эти слова: «...Кто бы согласился, кряхтя под ношей жизненной плестись, когда бы неизвестность после смерти, боязнь страны, откуда ни один не возвращался, не склоняла б воли. Мириться лучше со знакомым злом, чем бегством к незнакомому стремиться». Обуреваемые печалью и невзгодами, если бы мы знали, что нас ждет после смерти, то, вероятно, не стали бы цепляться за жизнь. Нас заставляет жить страх перед смертью.

Задумавшись, я потеряла принца из виду. Когда я бросилась искать его, он вдруг совершенно неожиданно вырос передо мной, выйдя из-за скалы, за которой я пряталась.

Его лицо было бледно и холодно. На вид ему было лет 18–19. Он был красив. У него были светло-русые волосы, серые глаза и очень тонкие кисти рук. Он весь был тонок и изящен. Белизну его лица и рук подчеркивал черный костюм.

Он посмотрел на меня презрительно и печально одновременно, словно увидел что-то постыдное, что его огорчило до глубины души. Я поняла этот взгляд. Он наверняка подумал, что я тоже шпионю за ним!

Я не нашлась ничего, как только выпалить:

– Я не слежу за вами, принц! Если только из желания дать моей госпоже Офелии хоть какое-то объяснение перемене вашего настроения.

Лицо Гамлета не смягчилось.

– Нет никакой перемены, – отрезал он.

– Вам нужно объясниться с госпожой Офелией, успокоить ее!

Но он не ответил и бегом помчался к замку. Подождав немного я побежала следом. Когда я оказалась рядом с галереей, мое сердце колотилось не столько от бега, сколько от волнения – неужели я стала причиной того, что Гамлет, не смиряя своего негодования, так жестоко обрушится на Офелию? Нет, не только я одна была повинна в этом.

Я сразу заметила, что портьера, ранее наполовину открытая, теперь была плотно задернута. От меня, так же как и от принца, я уверена, не скрылось легкое движение за занавесью, отчего ткань слегка всколыхнулась, а потом все затихло. Я могла относительно спокойно наблюдать за происходящим из маленького декоративного окошка. Оно было высоко и мне стоило не малых усилий (я как могла сдерживала свое пыхтение), чтобы взобраться на огромный сундук и встать на цыпочки.

Мизансцена. Гамлет и Офелия стояли посреди пустой галереи напротив друг друга в полном молчании. Лица принца я не видела, так как он стоял

спиной ко мне, зато глаза Офелии я видела хорошо. Они были полны слез и тревоги.

– Принц, были ли вы здоровы это время?

Ее слабого голоса почти не было слышно.

– Благодарю: вполне, вполне, вполне.

– Принц, у меня от вас есть подношенья. Я вам давно хотела их вернуть.

– Да нет, с какой же стати? Я в жизни ничего вам не дарил.

Голос принца был тихим и печальным.

Но Офелия послушно играла навязанную ей королем и отцом роль и требовала принять подарки обратно. В протянутой руке заблестело кольцо. Тут Гамлет сделал шаг к ней, резким движением схватил девушку за руку, и кольцо со звоном покатилось по полу. Он быстро поцеловал ее руку и прижал к сердцу. Его действия не вязались с его словами.

– Так вы порядочная девушка?

– Милорд?

– И вы хороши собой?

– Что разумеет ваша милость?

Голос Офелии дрожал от подступавших слез.

– А то, что если вы порядочная и хороши собой, то вашей порядочности нечего делать с вашей красотой.

– Разве для красоты не лучшая спутница порядочность?

– О, конечно. И скорей красота стащит порядочность в омут, нежели порядочность исправит красоту. Прежде это считалось парадоксом, а теперь доказано. Я вас любил когда-то.

– Мне верилось, принц, – всхлипнула она.

– А не надо было верить. Я не любил вас.

Голос Гамлета задрожал. Он выпустил ее руку и стал порывисто расхаживать по галерее, сыпля самоуничтожительными и едкими фразами.

Перед зашторенной аркой он остановился.

– Где твой отец? – спросил он, глядя на занавесь.

- Дома, милорд.
- Надо запирать за ним покрепче, чтобы он разыгрывал дурака только с домашними.

Офелия заплакала. Ее слезы, казалось, еще больше ожесточили принца.

– Ступай в монастырь! – кричал он. – Если пойдешь замуж, вот проклятье тебе в приданое. Будь непорочна, как лед, и чиста, как снег, но не уйти тебе от напраслины. Затворись в обители, говорю тебе. А если тебе непременно надо мужа, выходи за глупого: слишком уж хорошо знают умные, каких чудищ вы из них делаете. ... Никаких свадеб. Кто уже в браке, пусть остаются в супружестве. Все, кроме одного. Остальные пусть воздержатся. Ступай в монахини!

Оставив Офелию в слезах, Гамлет выбежал из галереи, и в тот же миг портьера отдернулась и вышли король с Полонием. Офелия рыдала, но на нее никто даже не обратил внимания. Не в силах больше на это смотреть, я соскочила с сундука и бросилась в зал со львами.

Зал был полон людьми. По-видимому, здесь собирались все вельможи, приглашенные на спектакль. Воздух полнился жужжанием толпы, обсуждавшей новости и предстоящее представление. Я обходила группки беседующих людей, ища глазами Артура. Наконец, я заметила его. Он сидел на краю постамента одного из львов, на коленях у него лежала книга.

Его высокая фигура, в привычном черном костюме, выглядела странно среди одетой в старинные одежды публики. Вопрос, почему герои сновидения не обращали внимания на наш внешний вид и наш язык, у меня возникал, но я не стала вдаваться в эти подробности и мучить ими Артура до поры до времени. Когда я подошла, он, увлеченный чтением, сначала не заметил меня, и только когда я тронула его за плечо, поднял глаза от книги.

– Смотри, что я нашел! – воскликнул он, показывая мне титульный лист.

Я наклонилась, чтобы прочесть, но тут у меня все поплыло перед глазами, и я не смогла прочесть ни строчки. Только краем глаза я рассмотрела некоторые черты книги: она была довольно большой, с

сероватыми страницами, текст был печатным. Я сказала Артуру, что не могу сфокусироваться на книге, все расплывается. Он хлопнул себя по лбу и сказал:

– Ну, конечно! Я забыл сказать, что во сне читать книги очень трудно. Однако со временем и с опытом это умение совершенствуется. И это истинное удовольствие!

– А что это за книга? – поинтересовалась я.

Артур ласково провел ладонью по корешку книги.

– Это книга, которой уже нет в мире реальном. Я пока не знаю точно, мое ли это воображение или это, действительно, реальная книга, все экземпляры которой когда-то давно исчезли, были сожжены или погибли при других обстоятельствах. Это Тит Ливий «История от основания города». 91-я книга. Всего до нашего времени дошло 45 книг из 142. От 91-й книги есть только фрагмент. А тут, смотри, издание 1496 года! Вероятно, отпечатано с рукописи. Эта книга, возможно, и есть где-то, но пока о ней ничего не известно. Чтобы иметь такое сокровище, библиофил отдал бы любые деньги.

Я взяла книгу из рук Артура, и так же как он, благоговейно погладила по обложке. Кожа книги была слегка шероховатой и прохладной.

– Сколько книг безвозвратно погибло! – вздохнул Артур. – От осознания этого у меня все внутри цепнеет. Но как же я люблю такие вот встречи в сновидении! Здесь остались те сокровища культуры, те шедевры искусства, которые уже навсегда исчезли в мире реальном: сожжены, растоптаны, уничтожены. А сколько Прекрасного погибает в нашем современном «цивилизованном» мире, нашпигованном компьютерами и искусственным интеллектом? Мы так гордимся нашими достижениями в технике, а спасти храм XII века от пожара не в состоянии! Мы так гордимся своими демократиями, а спасти памятники Пальмиры от остервенелых убийц мы не в состоянии! Человечество достигло своего рубежа. Я не верю, что оно еще способно создать что-то подобное Собору Парижской Богоматери или скульптурам Микеланджело, стихам Данте, Петрарки или «Лунной сонате». Нет! Человечество на такое уже не способно. Его век исчерпан. Все

искусство и культура остались позади. Нам остается только созерцать сотворенное теми, кто жил до нас. Созерцать, восхищаться и хранить. Но даже на это мы не способны! Мы можем только воевать, убивать и разрушать! Здесь мы достигли совершенства. И при этом разрушаем самое главное – наши храмы, наши книги, наши картины. Я ненавижу современный мир! Он отвратителен, потому что совершенно бесчеловечен и пуст: только деньги, только нажива, только самоудовлетворение! Они, жрецы денежного мешка, загубили мечту как таковую, даже мечту в будущее. Искусство для них – это лишь то, о чем можно поговорить в модных салонах! А когда сгорит Собор Парижской Богоматери они и не пошевелятся. Зачем? На его месте можно построить торговый центр! Я ненавижу современное человечество! Оно бесплодно, жирно, похотливо и завистливо. Потому что может только жрать, как отупевший толстяк и не способно создать ни одного произведения искусства. Нормальный человек в современном мире может жить только прошлым, потому что там осталось все, с чем можно жить – вся душа, культура, мысли, идеи и искусство. Уходя в прошлое, уходишь в забвение прекрасного мира от мира страшного и омерзительного, где нет ничего, где только духовная ПУСТОТА!».

Негодующий порыв Артура передался и мне. Но взволновано оглядевшись вокруг, я заметила, что краски сна поблекли.

– Что-то не так, – пробормотала я. – Мы просыпаемся?

Артур тут же выхватил книгу у меня из рук и уткнулся в нее. Через пару минут картинка сновидения вновь обрела прежнюю яркость и реальность.

– Концентрация на значимом объекте помогает удержаться в сновидении, – сказал Артур, закрывая книгу. – А как у тебя дела?

– Я видела Гамлета, и он принял меня за шпионку.

– По-моему, у него и, правда, не все дома.

– Нет, у него были на то причины. Король обеспокоен и всюду подсыпает к нему соглядатаев. Ой, я же совсем забыла! – спохватилась я. – Подожди меня еще. Мне нужно бежать к Офелии.

Артур пожал плечами и углубился в чтение. Найдя Офелию в слезах, я постаралась успокоить девушку, но она все равно не хотела идти на спектакль. Мне пришлось сказать, что если она не пойдет, то принц может еще больше разозлиться. Наконец она согласилась, но как я не старалась, не смогла вытянуть из нее ни одной улыбки. Она вся поблекла и осунулась. Однако времени на разговоры уже не оставалось, я помогла ей одеться и побежала обратно к Артуру.

Часть людей к этому времени уже ушли занимать места и зал заметно опустел.

— Пойдем, — сказал Артур, беря книгу подмышку. — Не будем дожидаться режиссера. Ах, нет. Вот и он!

Я обернулась. Гамлет, в сопровождении молодого человека со спокойным симпатичным лицом, появился в дверях залы. Все разговоры на миг смолкли, и установилась мертвая тишина, все глаза устремились на принца. Но он не удостоил вниманием никого, кроме своего спутника, которого держал под руку и, склоняясь, что-то говорил ему. Быть таким откровенным он мог только со своим близким другом Горацио. Не замечая никого, они медленно шли по зале и разговаривали вполголоса. Мы с Артуром наблюдали за ними издали. Через пару минут в залу вошел человек и громко объявил о начале спектакля. Горацио последовал вслед за всеми, а Гамлет, бросив взгляд в сторону, заметил нас. Он подошел, и, делая вид, что не замечает меня, подчеркнуто доброжелательно обратился к Артуру.

— Вот так-так! Видно небо рухнет на землю, если я вижу здесь нашего архивариуса, который покинул свой уединенный угол и занятия. Но ради чего? Или, быть может, ради кого? Нет, в это я не верю. Нежные чувства чужды нашему библиотекарю. Но для книжного червя ты неплохо выглядишь!

— Спасибо, принц. Книжная пыль полезна для таких как я, — с поклоном сказал Артур. — Я тоже пришел посмотреть спектакль.

— Ну, так идем!

Мы поспешили за принцем.

– Вы давно не появлялись в библиотеке, – сказал Артур Гамлету, когда мы вышли на улицу.

– Прости, мне сейчас не до книг, – проговорил принц. – Но я вернусь к занятиям. Обещаю.

Потом он откланялся и пропал в толпе придворных.

– К тебе он относится лучше, чем ко мне, – сказала я.

В этот момент появились король и королева. Оба одетые в светлые, перламутровые наряды, они выделялись на общем серо-черном фоне. Впереди них шествовали стражники с факелами. Когда королевская чета уселась на свои места, рожок возвестил о начале представления. С предпоследнего ряда скамей, где мы с Артуром примостились, я видела, как Гамлет устроился у ног грустной Офелии. Его щеки пылали. Но, возможно, это были лишь отблески пламени от факелов, расставленных по четырем углам сцены. Представление началось.

На сцене разыграли пантомиму, а потом началось само действие. Действующих лиц было совсем не много – король, королева и племянник короля. Король на сцене говорил о своей любви к королеве и сожалел о том, что силы его покидают, заикнулся о вероятности нового замужества королевы, если ему раньше времени придется уйти в мир иной. Королева с жаром отвергала такую возможность. В витиеватых стихах король напомнил об изменчивости чувств, а потом лег отдохнуть. Тут появился племянник короля и, произнеся монолог злодея, влил яд в ухо спящему королю.

В этот самый момент настоящий король вскочил с места и, расталкивая стражников, скрылся во дворце. Придя в себя, за ним последовали все придворные. В суматохе я не заметила, как исчезли Гамлет, Офелия и Горацио.

– Это вам не актеры в театре, – пробурчала я. – Здесь они постоянно куда-то убегают и совершенно непредсказуемы!

Артур засмеялся.

– Ты уже пообыклась здесь. Ничего не боишься.

– Пока я не встретила никого и ничего страшного. Здесь все как в реальности. (Через стены я, правда, пока не ходила). Но уже не в первый раз я ловлю себя на мысли, что забываю, что я во сне.

– А вот об этом забывать не стоит. Потому что от этого зависит многое. Ты должна быть предельно осознанной, чтобы контролировать сновидение.

– Я думала, что это в основном твоя задача.

– Как бы я не старался, я не смогу удерживать тебя здесь, если ты решишь проснуться.

– А как это сделать?

– Просто осознанно намеревайся проснуться.

Но я не собиралась этого делать. Мы с Артуром находились в самом центре событий, развивавшихся с поразительной быстротой. Король попал в «мышеловку», и Гамлет, который ее расставил, ликовал. В главном зале звучала музыка. Это принц заставлял музыкантов играть громче, не смотря на гнетущую тишину, установившуюся после того как король покинул театральное представление. Если раньше вельможи за спиной Гамлета шушукались и провожали его косыми взглядами, то теперь вокруг него и Горацио и вовсе установилась напряженная пустота. Все обходили их за версту. Придворные понимали, что принц объявил войну королю и все боялись нечаянно оказаться в орбите этой борьбы. Только Полоний, Гильденстерн и Розенкранц по-прежнему кружили рядом с принцем, донимая его своей навязчивой преданностью.

А мы с Артуром летали по замку словно неприкаянные призраки, потому что знали судьбу каждого, но не могли ее изменить. Мне хотелось хотя бы вернуть уважение принца, и я придумала одну вещь. Зная, что король пошлет Гамлета в сопровождении Гильденстerna и Розенкранца в Англию, снабдив последних бумагой, в которой принц обрекался на смерть от топора английского палача, я решила помочь Гамлету выпутаться из этой ловушки.

Я проследила за Розенкранцем и видела, как тот положил бумагу в ларец и запер его на ключ, который в свою очередь опустил в мешочек,

висевший на поясе. Добыть ключ было не простой задачей, и мы придумали план. Артур умело сколотил кружок своих слушателей из придворных, которые не успели разойтись по своим покоям. А говорил он о том, что через несколько десятков лет будут открыты виновники многих страшных заразных болезней – маленькие животные, такие мелкие, что их нельзя увидеть невооруженным взглядом; а еще через несколько сотен лет, в далеком будущем появятся такие вещи и явления, которые сейчас представляются невозможными – летающие корабли, повозки с силой в табун лошадей, возможность передавать слова и образы на расстоянии.

Люди слушали Артура открыв рты. В кружке людей, плотно обступивших Артура, были и Розенкранц с Гильденстерном, чье внимание было полностью поглощено невероятными картинами, которые рисовал перед ними архивариус. И тут настало мое время попрактиковаться в ловкости рук. Артур сказал, что во сне ткань действительности во многом подвластна воле сновидца и если я захочу, то умыкну ключ как самый заправский воришко, нужно только в это поверить. Я подошла к Розенкранцу и, вытянув шею, притворилась, что слушаю Артура. В это время я нашупала его кошель. Скреплен он был тесемкой и, представив, что мои пальцы не имеют костей, я развязала его. Внутри, вместе с монетами и игральными костями, оказался только один ключ. Я осторожно вытащила его и вновь стянула тесемки. Розенкранц ничего не заметил, а я была в шоке от своей наглости и открывшегося вдруг «мастерства».

Вдруг лекция Артура была прервана шумом – в залу вбежали несколько стражников. Их командир подошел к Гильденстерну и что-то шепнул ему на ухо. Двое шпионов тут же убежали вместе с солдатами. Всем остальным было предложено разойтись по своим покоям. Мы с Артуром сделали вид, что направляемся в библиотеку, а сами спустились во внутренний двор замка.

– Он должен быть где-то здесь, – сказала я. – Как думаешь, какую галерею он имел в виду, чтобы рядом можно было бы закопать тело Полония?

– Вряд ли он успеет его закопать. Сюда!

Я побежала вслед за Артуром, но постоянно спотыкалась в темноте, и ему пришлось взять меня на буксир. Мы примчались к небольшому садику около открытой галереи, которая шла по нижнему ярусу замка. Рощи здесь деревца и кусты окружали большую мраморную скамью в виде кольца. Артур не ошибся. Из галереи вскоре послышались звуки, как будто волокли что-то тяжелое. В непроглядной темноте, среди деревьев нас трудно было заметить и мы, затаив дыхание, следили, как Гамлет втащил тело Полония в садик и бросил рядом со скамейкой. Тут он нас заметил, но кромешная тьма по-прежнему скрывала наши лица.

– Кто здесь? – прошипел он.

– Мы. Библиотекарь и Юлия, – ответил Артур.

– Предатели!

– Как раз наоборот, принц, ваши друзья, – проговорил Артур спокойно.

– За вами уже брошены в погоню солдаты и через пару минут они будут здесь. Но мы можем выиграть для вас немного времени. Дайте нам доказать нашу верность вам.

– Мы хотим помочь, – вклинилась я в разговор. – Король не просто отправляет вас в Англию в ссылку, он хочет убить вас руками англичан. Вот, возьмите, – я отыскала в темноте ладонь принца и сунула в нее ключ. – Это ключ от ларца, который везут с собой Розенкранц и Гильденстern, в нем бумага, ваш смертельный приговор. Найдя ее, вы сможете спасти себя и удостоверитесь в нашей искренней преданности.

– А сейчас мы должны на время скрыть тело, – сказал Артур. – Предлагаю уложить его внутрь этой скамьи, до утра его здесь видно не будет.

И они, поднатужившись, положили Полония за скамью. Тут в конце галереи показались огни, и послышался топот ног.

– Бегите же! – прошептал Артур, и Гамлет исчез в темноте.

Артур опустился на скамью и притянул меня к себе на колени. Через пару минут стражники остановились напротив нас.

– Кто там? – закричал один.

– Кажется, архивариус со своей зазнобой, – ответил другой.

– Видели вы принца?

– Нет, – ответил Артур. – Мы здесь уже давно, но пока никто кроме вас не помешал нашему уединению.

Стражник махнул рукой и вся когорта, громыхая оружием, побежала дальше. Через пару минут наступила полная тишина.

– И что теперь?

– Пока ничего, – ответил Артур. – Король допрашивает Гамлета, а потом...

– Потом он отправится в Англию, вернется и все пойдет так, как написал Шекспир. Несчастная Офелия лишится рассудка...

– И в конце все умрут, – довершил Артур.

Я ткнула Артура в бок.

– Ты, кажется, не особенно переживаешь. А я до сих пор не могу поверить, что мы участники этой трагедии.

В темноте я плохо различала лицо Артура, поэтому мне было легче говорить откровенно.

– Я ведь была влюблена в Гамлета, – сказала я.

Артур хмыкнул:

– Была?

– Сейчас все изменилось. Теперь я вижу всю ситуацию с разных сторон. Нет, Гамлет по-прежнему самый яркий персонаж, которого я знаю, но в ряде других таких же великих. А раньше он жил во мне. Часто я сама становилась Гамлетом – смотрела на жизнь в черных тонах, никому не верила, вокруг были одни враги, я была в одиночестве, одна против всех. Теперь этот образ вышел из меня, отделился и я вижу его со стороны, вижу его хорошие и плохие черты. Такая объективность убивает влюбленность, но не уважение.

Артур вздохнул.

– Ты взрослеешь.

— В твоих устах это звучит как оскорбление и как приговор одновременно.

Артур рассмеялся, а я оглянулась вокруг. Над стеной замка небо начало едва заметно светлеть. Похолодало.

— Скоро рассвет, — прошептала я, чтобы не нарушать установившуюся вокруг тишину. — Идем к морю?

— Идем. Нет, постой.

Тут Артур совершил то, чего я от него не ожидала и что трудно будет мне забыть, даже если вся эта невероятная история затуманиится в моей памяти навсегда. Он поцеловал меня. Мягко, легко. В этот момент время для меня остановилось, молекулы воздуха словно застыли на одном месте. Упираясь рукой в его грудь, я чувствовала, как сильно колотится его сердце. Мое стучало еще быстрее. Я ужасно смущилась и он, похоже, тоже.

— Ты чего? — прошептала я.

— Ничего. Это всего лишь сон.

Я соскочила с его коленей на землю и сделала вид, что ничего не произошло.

— Пойдем к морю.

Мы уселись на берегу бухты и стали смотреть на море. Я подумала, что Гамлет, наверное, уже ступил на борт корабля, плывущего в Англию, но мысль о том, что с ним был ключ от шкатулки, который мы для него добыли, согревала мне сердце. Все-таки я хоть что-то сделала для спасения принца! Шум волн навевал дремоту и я, действительно, почувствовала сильную усталость, меня стало клонить в сон. Время текло медленно, даже приливы и отливы волн совершались, словно в замедленной съемке. И тут я почувствовала, как во мне рождается новый мир. Я была полна им, и готова была сейчас же броситься рисовать и писать о нем. Мне было так хорошо с этим миром внутри, как будто я была бессмертна. И эта волшебная сказка, которая раскрывалась во мне словно бутон лотоса, рождала такое счастье, которое я не испытывала никогда раньше и никогда после. Осознание того,

что я могу жить в этом мире, уйти в него, когда захочу, любить его героев – было самым светлым и счастливым переживанием в моей жизни! И я понимала, что этот внутренний мир во мне растет и живет благодаря книгам, которые я прочитала и еще прочитаю. Я посмотрела на Артура. Мой книжный герой был главной частью моего благословенного мира.

И тут начался рассвет. Небо словно припудрилось розовой и голубой пудрой и свет от восходящего из-за горизонта солнца чудесным образом некоторое время соседствовал со светом звезд. Потом они потухли и солнце яркой ослепительной полоской мигнуло на границе моря и неба. Я завороженно смотрела на это обычное событие, которое происходило, тем не менее, в совершенно ином мире и тем накладывало свой отпечаток на впечатление. Все здесь казалось больше: и солнце крупнее, и море безграничней. Пространство, казалось, не имело преград и было бескрайним, как Вселенная. В этой бескрайности и воздух был другим. Волшебным.

Я встала и раскинула руки. Артур тут же угадал мое намерение.

– Просто вспомни, как это бывало во сне, – сказал он.

Забыть о полетах во сне невозможно. Я слегка наклонилась и в тот же момент потянулась вверх. Под моим животом словно надулся огромный, невидимый шар. Я легла на него и мои ноги оторвались от земли. Раскрыв грудь, я поднялась вверх и полетела! Я поднималась выше и выше, а потом меня унесло на море и в первые секунды я жутко испугалась, но потом вспомнила слова Артура, что не нужно ничего бояться и расслабила тело. Ветер обвевал меня со всех сторон, и было немного зябко, но я не обращала на это внимания. Я летела! Разве сравнимы с чем-то эти ощущения? Нет. Такое бывает только во сне. Но сейчас это было как наяву. Я парила над морем, и восходящее солнце казалось ближе. На скалах высился замок, и он был так похож на наш замок в поле! Наслаждаясь невероятной свободой и легкостью, я летала как птенец, который только научился это делать. Волшебный мир внутри меня ликовал, и я почувствовала чудесное единение с окружающим меня миром. Лишь на миг я задумалась над тем, что мир этот не реален, но счастье было таким безграничным, что я позволила себе

отбросить мысль о том, что сплю. Тут же меня слегка потянуло вниз, и я чуть не спикировала в море. Я улыбнулась и сконцентрировалась на своих ощущениях. Это был сон, но как он был прекрасен!

Когда я слетела на берег к Артуру, мои глаза горели от восторга.

– Спасибо, что впустил меня в свой мир, – сказала я.

– Без таких как ты, мне все тяжелее здесь появляться. Помнишь, я говорил тебе о старости и детстве? Этот мир открыт только для тех, у кого душа ребенка, любящего книги.

– Кажется, я поняла, почему ты еще говорил об опасности. Почему боялся за меня. Отсюда не хочется возвращаться.

– Да, – Артур кивнул. – Это так.

– Что же нам делать?

Артур печально улыбнулся уголками губ.

– Будем смотреть на море и на рассвет, – сказал он. – Здесь он не менее красив, чем в реальном мире.

Мы долго наблюдали за восходящим светилом, пока сон не одолел меня. Я смыжила веки на секунду, а когда открыла их...

5.

Передо мной были внутренние стены башни, а в бойницу пробивались лучи утреннего солнца. Артур полулежал с закрытыми глазами, но веки его подрагивали, и я слегка подтолкнула его.

– Не притворяйся.

Он открыл глаза и посмотрел на меня.

– Мы проспали рассвет...здесь, – сказала я.

Артур ничего не ответил. Когда мы молча собирали одеяла в рюкзак, мне показалось, что на глазах моего друга блеснули слезы. Возвращение в реальный мир было подобно грустному отрезвлению от головокружительной мечты. Реальность была скучной и не такой яркой как в книжном сне. Пробуждение было тяжелым, как после слишком долго сна или подобно тому состоянию, которое возникает, если заснуть на закате солнца и

проснуться уже поздно вечером, тогда всегда бывает тяжело и болит голова. Краем глаза я видела, что Артур бросал на меня тревожные взгляды, но мне не хотелось с ним говорить.

Но вдруг все изменилось. Я вдруг ощутила инъекцию счастья, которое тут же разлилось по мне, убивая мою тяжелую печаль. Природа вокруг вернула свои краски и жизнерадостность. Я снова почувствовала его внутри, мой волшебный мир! Я остановилась и окликнула Артура, который ушел далеко вперед.

— Он здесь, — сказала я, прижимая ладони к середине груди, когда Артур подбежал ко мне. — Мой книжный мир! Я впервые почувствовала его в сновидении и вот теперь опять ощущаю. Все вокруг прекрасно пока он со мной. У тебя тоже такое?

Артур засиял от счастья.

— Нет, к сожалению, волшебный мир, все реже просыпается во мне, — сказал он, — но теперь мы вместе сможем, если повезет, еще раз очутиться в книжном сновидении! Я же обещал рассказать тебе. Эта моя способность обнаружилась в детстве, когда я только научился читать и тогда в первый раз оказался в книге, которую читал всю ночь под одеялом с фонариком, потому что родители ругались, что я порчу себе зрение. Тогда мир книг поглотил меня всего, и я порой не знал точно, где реальность, а где мое книжное сновидение, но это было самое счастливое время в моей жизни. Я попадал в книгу и жил в ней какое-то время, переживал приключения, исследовал незнакомые мне страны и времена. Но с годами я стал терять эту способность, также как от меня уходило детство, также и уходили и мои сновидения. В детстве мы легче воздуха, а потом тяжелеем и уже не пролезаем в волшебные двери. Но потом я обнаружил, что все возвращается, если рядом ребенок с воображением, любящий книги. Он становился проводником и помощником.

Я насупилась и ревниво посмотрела на Артура, а он звонко засмеялся.

— Первым моим проводником была моя младшая сестра, — продолжал он. — Но она быстро выросла, и все опять стало грустно. Я уже думал, что

навсегда утратил свой дар, но потом появилась ты. Странная выдумщица, бесстрашная, не похожая на своих сверстников. Ты сама втащила меня в свою выдуманную историю, и я был просто в восторге! А потом оказалось, что ты неравнодушна к книгам и все завертелось само собой. Твоя своеобразная, творческая оторванность от реального мира и его страстей помогла нам вместе очутиться в книжной грезе. После пробуждения я боялся, что ты станешь заложником сновидений, откажешься принимать этот мир, и я тем самым стану виновником все твоих несчастий в будущем. Но, похоже, случилось самое чудесное, что могло случиться, даже наше путешествие не столь значимо. В тебе вырос новый мир, и он будет поддерживать тебя, пока ты не утратишь веру в него. Пожалуйста, береги его! Книги оставляют открытой дорогу в детство. Никогда не переставайте мечтать и книги тебе в этом помогут.

Я поклялась Артуру, что всегда буду верить в волшебство.

На этом моя невероятная история подошла к концу. Артур уехал, пообещав вернуться. Мы оба были опечалены расставанием, и решили писать друг другу бумажные письма каждый день. Провожая его на вокзале, я чувствовала тоску и еще что-то похожее на томительную нежность.

С тех пор как он уехал, я стала завсегдатаем книжных магазинов и букинистических лавок. Одна лавочка особенно мне нравилась. Небольшая, она казалась еще меньше из-за огромного количества книг, которые стояли на полках в два ряда, лежали стопками на столах и даже на полу в коробках. Книг было так много, что они образовывали своеобразный лабиринт, внутри которого осторожно пробирались случайные посетители и завсегдатаи этого магазинчика.

В лавке царила особая атмосфера, которая притягивала книголюбов, они собирались здесь, часами бродили среди книг, разглядывая их, листая. В лавку приносили книги со всего города, и каждому томику здесь находилось свое место, хотя с каждым разом это становилось все труднее. В этой лавке разрешалось читать книги, и многие этим с удовольствием пользовались. Я

часами засиживалась там. Среди высоких стеллажей, в книжном лабиринте, я чувствовала себя умиrottворенной и счастливой. Я не уставала от общения с книгами, и уходить из лавочки меня заставляли только голод, необходимость выполнять домашние задания и правила приличия. Однажды я просидела в лавке почти шесть часов и меня вместе с такими же сумасшедшими книголюбами хозяйка мягко выпроводила из магазина спустя час после закрытия.

Я познакомилась тут с поэзией миннезингеров и трубадуров, ирландской и германской мифологией. Я любила рассматривать переплеты старых книг и особенно – иллюстрации. Больше всего мне нравились старые книги с гравюрами. Здесь я открыла для себя Доре, Дюрера, Гольбейна младшего. Поразили меня и рисунки прерафаэлитов, воспевавших эпоху рыцарства и волшебных легенд. После этого мне и самой захотелось рисовать также, я даже пыталась, но получалось у меня не очень хорошо. А потом я нашла книгу Томаса Мэлори «Смерть Артура» с иллюстрациями Уильяма Рассела Флинта и не смогла больше с ней расстаться. Издание было довольно старым и поэтому стоило не дешево. Я долго ходила вокруг этой книги, но не могла заставить себя попросить у отца деньги. Однако вскоре желание иметь книгу все-таки пересилило смущение и я, очень эмоционально расписав отцу всю ее красоту и ценность, потащила его в лавку. Там он, увидев книгу, не раздумывая, сразу купил ее.

Принеся книгу домой, я осторожно, словно она была стеклянная, положила ее на кровать, уселась рядом и стала с благоговением переворачивать страницу за страницей. Мне нравилось в книге все: ее потертая матерчатая зеленая обложка, желтоватые толстые страницы, особенный необычный шрифт, даже запах, ну и, конечно, иллюстрации. Когда же я начала читать, то реальность перестала для меня существовать, несколько вечеров подряд после школы я забиралась под одеяло и уходила в мир древних легенд, где и дамы и рыцари были прекрасны как боги, страстная любовь и испытания были их судьбой, а кругом витали волшебство и магия. Мне тогда очень сильно хотелось перенестись в их мир. В какой-то

момент полузабытья, сидя за книгой, мне даже показалось, что мне это удалось и я уже там, среди них, в их древнем прекрасном мире, но длился этот сон наяву лишь одно мгновение, и скучная реальность снова возвращала меня обратно. Чтобы продлить эти чудесные «нырки» в сказку, я рисовала, но картинки получались незавершенными, хотя отец хвалил меня за них.

Шли дни, недели, месяцы и однажды мне пришло письмо от Артура, в котором он просил меня сходить к мистеру Хатуэю. О цели визита он не сообщил, но просил не откладывать его надолго. Несмотря на свой страх перед этим мрачноватым человеком, я в один прекрасный день собралась и пришла к старинному дому с зеленой дверью.

Хозяин библиотеки впустил меня молча, но его молчаливость показалась мне более дружелюбной, нежели в первый раз. Он усадил меня в гостиной. В этой комнате самым примечательным был камин. Он был высотой не меньше двух метров, с глубоким почерневшим зевом. Наверху посередине красовался барельеф с головой смеющегося фавна.

— Чай из жасмина и липового цвета, — сказал мистер Хатуэй, ставя поднос на столик. Те несколько минут, пока он разливал чай по чашкам, показались мне вечностью. — Артур рассказал мне о вашем путешествии, и просил кое-что тебе передать. Вот, держи.

Я взяла протянутый сверток и развернула бумагу. Передо мной лежала небольшая книга в черном матерчатом переплете с выбитыми рельефными буквами и орнаментом по краям. Серебристая краска, которой была выполнена надпись, сохранилась почти идеально: «В. Шекспир. Гамлет, принц датский». Срезы страниц тоже были покрыты серебрянкой. Я осторожно открыла книгу на титульном листе и прочитала место и дату издания: Лондон, 1910 год. Внутри, на глянцевой, прохладной бумаге, среди текста, напечатанного необычным шрифтом, были разбросаны узорчатые инициалы, розетки, миниатюры, в книгу были также вшиты иллюстрации, прикрытые тонкой папиросной бумагой.

— Какая красивая книга! — прошептала я, перелистывая страницы. — Спасибо! Это самый лучший подарок!

– Пожалуйста. Это удовольствие – дарить книги тому, кто их ценит. Она из моей библиотеки. Я согласился расстаться с книгой, зная, что ты будешь заботиться о ней. Но это еще не все. Теперь, когда ты посвящена в тайну Артура, мы принимаем тебя в наше братство библиофилов и я разрешаю тебе приходить ко мне и общаться со старыми книгами.

Я просто онемела от счастья и, увидев такую мою реакцию, мистер Хатуэй в первый раз за все время улыбнулся.

Он повел меня в библиотеку и рассказал, какие книги где располагаются, в какой последовательности и системе, как нужно обращаться со старинными книгами (читать их в перчатках, на особой подставке, под светом специальной лампы). Он показал мне несколько самых редких и красивых книг-инкунабул, каждая страница которых была произведением искусства, иллюстрации и миниатюры поражали своей чистотой, многоцветностью и яркостью красок, почти на каждой странице расцветали сложные растительные орнаменты и затейливые позолоченные буквицы...

Итак, я стала приходить к мистеру Хатуэю почти каждый день и мы вместе, сидя за одним столом, в полном молчании перелистывали страницы и пребывали далеко-далеко, в других мирах, куда нас уносили чудесные книги на крыльях фантазии и мечты. Книги вошли в мои мысли, образы, воспоминания и мой волшебный внутренний мир расширялся до бесконечных границ. Я с упоением погружалась в книжные миры, но ни на миг не забывала об Артуре, зная, что пока живо мое детство и наша дружба, нам предстоит еще много захватывающих путешествий.